надя хедвиг

ОРДЕН
(НЕ) СПРАВЕДЛИВОСТИ

Надя Хедвиг

Орден (не) Справедливости

«Автор»
2026

Хедвиг Н.

Орден (не) Справедливости / Н. Хедвиг — «Автор», 2026

Каждый сотрудник некоммерческой организации Wilde Jagd e.V. знает: жалость к приговоренным недопустима, сомневаться запрещено. Ликвидации проходят строго с двух до четырех ночи, суббота и воскресенье — выходные.Молодой практикант Мартин Штайнмайер уверен: если он наконец не получит нормальную работу, хроническая депрессия снова затянет его на дно. Жизнь окончательно потеряет смысл. Управляющая Wilde Jagd Ольга Орлова убеждена: пока она работает, ее тяжело больной от рождения сын остается здоров. Это оправдывает всё. Старший сотрудник Wilde Jagd Ибрагим Закаев привык не задавать лишних вопросов. Когда много лет скрываешься от правосудия родной страны, любая работа хороша. А приговоренные все равно заслуживают смерти.Все они думают, что служат Великой Справедливости. Но есть ли она?..

© Хедвиг Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1, 7
Глава 2, 21
Глава 3, 35
Глава 4, 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Надя Хедвиг
Орден (не) Справедливости

Литературно-художественное издание

Надя Хедвиг

Орден (не) Справедливости

Каждый сотрудник некоммерческой организации Wilde Jagd e.V. знает: жалость к приговорённым недопустима, сомневаться запрещено. Ликвидации проходят строго с двух до четырёх ночи, суббота и воскресенье — выходные.

Молодой практикант Мартин Штайнмайер уверен: если он наконец не получит нормальную работу, хроническая депрессия снова затянет его на дно. Жизнь окончательно потеряет смысл.

Управляющая Wilde Jagd Ольга Орлова убеждена: пока она работает, её тяжело больной от рождения сын остаётся здоров. Это оправдывает всё.

Старший сотрудник Wilde Jagd Ибрагим Закаев привык не задавать лишних вопросов. Когда много лет скрываешься от правосудия родной страны, любая работа хороша. А приговоренные всё равно заслуживают смерти.

Все они думают, что служат Великой Справедливости.
Но есть ли она?..

ISBN 978-3-913004-01-3
© Надя Хедвиг, текст, 2026
© Оформление. AM Publishing, 2026

Литературный редактор Анна Дивавина
Выпускающий редактор Мария Сурконт
Дизайн обложки и серийное оформление Юлия Мартыщенко
Компьютерная вёрстка Инна Ларичева
Корректор Мария Каменская

Фотографии для оформления обложки
Использованы иллюстрации:
Corgarashu / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

Страна происхождения: Германия

Интернет-магазин: shop.ampublishing.org

Дата изготовления / Подписано в печать
Формат 148x210mm. Гарнитура «». Печать офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в
Totem.com.pl Sp. z o.o. Sp. k.
ul. Jacewska 89, 88-100 Inowrocław, Polska
www.totem.com.pl

18+

Издатель:

AM Publishing
Berlin, Germany

ampublishing.org

…что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла,
и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени?

«Мастер и Маргарита»
Михаил Булгаков

Городу, который стал мне вторым домом.

Милые, милые люди. Возлюбленные мои люди, способные в равной мере на благородство и ненависть, убийство и предательство, на глубочайшее раскаяние и жертву во имя того, во что верите.

Даже если вы искренне ошибаетесь.

Вы думаете, что Бог возлюбил вас. А ведь любить — значит принимать другого таким, каков он есть, не требуя изменений.

Будьте собой: страдайте, предавайте, любите, живите. А я буду смотреть на вас. Смотреть и восхищаться. Не в том ли истинная любовь?

Многие столетия я наблюдаю, как люди с любовью говорят о Боге, а несчастного дьявола презирают.

Но знаете, что? Вы отвернулись не от меня.
Вы отвернулись от себя настоящих.

Глава 1,

в которой русский немец Мартин Штайнмайер получает новую работу, а гордый чеченец Ибрагим чуть не отказывается от своей.

Берлин, 2021 год

Эта история началась в городе, похожем на каменное чудовище — равнодушное и давно мёртвое, своими развёрстыми внутренностями раскинувшееся вдоль реки. Город этот зовётся Берлин, а живёт в нём — кроме, конечно, автора, который всю эту историю и затеял, — некто Мартин Штайнмайер, русский немец родом из Казахстана.

В Германию Мартина перевезли в семь лет. Когда он кому-нибудь про это рассказывал, то чувствовал себя вроде мешка с картошкой, который за веревочку перетащили через границу. Из переезда он помнил мало: как мама долго пыталась решить, что из двухкомнатной квартиры запихнуть в пару маленьких чемоданчиков, как пограничник в аэропорту поставил печать о въезде и сдержанно ему улыбнулся. Как папа через две недели заявил, что Германия ему не подходит, и ушёл. Мама, правда, быстро нашла ему замену — так и сказала: «Я нашла замену твоему папе». От её нового мужа Мартину достался грубоватый берлинский говор и звучная фамилия Steinmeier.

В седьмом классе Мартина накрыло депрессией, но потом он вроде бы оклемался, и все решили, что дело было в гормонах. В гормонах или нет, но с тех пор Мартин постоянно боялся, что подавленное состояние вернётся, он обязательно кого-то подведёт, и потому не мог закончить ни одного начатого дела. После школы Мартин поступил в Свободный университет Берлина, но через три семестра отчислился. Пошёл учиться на парикмахера, но за полгода до окончания решил, что проводить на ногах по девять часов не для него. Задумал посмотреть мир, даже отправился в кругосветное путешествие, но оно не продлилось и месяца: Мартин заболел малярией и вернулся в Берлин. Там его снова накрыло апатией, которая бог знает чем бы закончилась, если бы не живительный берлинский воздух и таблетки, выдаваемые строго по рецепту.

Так в двадцать семь лет Мартин Штайнмайер оказался незадачливым путешественником, человеком со скудным жизненным опытом, отсутствием внятных достижений и, как говорила мама, *приличной профессии*. Так что немудрено, что его направили в кабинет фрау Краузе, служащей центра занятости Берлина. За год он побывал там трижды. Комнатка была маленькой и белой, с единственным окном в тихий внутренний двор и шкафом, где хранились дела её подопечных.

В этот раз комнатка была та же, но вместо худенькой фрау Краузе за столом сидела такая грузная дама, что под ней, казалось, вот-вот треснет стул.

Дама оторвалась от стоящего перед ней монитора и холодно посмотрела на Мартина поверх медицинской маски — постковидные ограничения никто не отменял.

— Садитесь, господин Штайнмайер.

На всякий случай Мартин ей улыбнулся, хотя под его собственной маской это вряд ли было заметно.

Дама продолжала изображать неприступную фрау Хелле из его нелюбимой сказки.

— Итак, господин Штайнмайер, — сказала дама. — Вы снова без работы, насколько я поняла.

— Так точно.

Мартин никогда не служил в армии, но почему-то почувствовал, что иначе отвечать ей нельзя. У фрау Хелле были короткие белые волосы и круглые очки. Нос большой, а рот — она стянула маску к подбородку — маленький и недовольный, с опущенными вниз уголками.

— И почему же?

— Меня уволили, — тихо сказал Мартин.

Как ни старался, он не мог удержаться на одной работе больше трёх месяцев. В супермаркете не сложилось: Мартин вечно ронял товары, на кассе как-то случайно не пробил дорогой виски, и все подумали, что он его украл. С позиции помощника медсестры его попросили после того, как он не смог поменять трубку катетера: пациент дернулся, Мартин испугался, и стало ещё хуже.

— Почему вас уволили?

— Я не справился со своими обязанностями, — ещё тише ответил Мартин.

Фрау Хелле глянула на него сквозь толстые стекла очков.

— Вы на кого-нибудь учились, господин Штайнмайер?

Мартин хотел сказать, что всё это есть в его деле, и при желании она может прочесть, но решил, что перечить этой женщине себе дороже.

— Учился. На парикмахера.

— Так что же вы не работаете парикмахером?

— Я не доучился.

Фрау Хелле издала странный звук, будто пар выплеснулся из-под крышки, и защёлкала мышкой.

— Хм… — промычала она, явно скользя глазами по каким-то спискам.

Мартин с тоской подумал, что нужно было доучиваться на менеджера, как говорила мама.

— Вы ведь родились в России, господин Штайнмайер? — задумчиво уточнила фрау Хелле.

— В Казахстане.

— По-русски понимаете?

— Понимаю.

— Аллергия на шерсть животных есть?

Мартин почесал подбородок.

— Нет вроде.

— Высоты не боитесь?

На языке крутился вопрос, уж не в цирк ли его позовут, но Мартин сдержался.

— Не боюсь.

— Это хорошо… — фрау Хелле прокрутила колесико мышки. — Вы когда-нибудь учились на врача?

— Только на санитара. Две недели.

— Ну, санитары жизни не спасают, — усмехнулась фрау Хелле и вдруг задала совсем уж неожиданный вопрос: — Скажите, господин Штайнмайер, — её взгляд только что не прожигал дырку в верхней пуговице его рубашки, надетой специально по такому случаю. — Вы верите в справедливость?

Мартин так оторопел, что даже переспросил:

— В справедливость? Которая типа… социальная?

— Какая-нибудь.

— А надо?

Теперь улыбнулась уже фрау Хелле.

— На самом деле необязательно. Думаю, у меня для вас кое-что есть.

***

Мартин шёл по длинному коридору, напоминающему школьный. Здание на Бергманнштрассе, куда его отправили, было серое, невзрачное и совсем не подходило цветастой улочке, напичканной магазинчиками с яркими витринами. Остановившись у нужного дома — обычного офисного «муравейника», — Мартин нашёл нужную табличку: **Wilde Jagd e.V., 3. Etage.** Поднялся. Двери, двери, двери с табличками… Спёртый воздух. Плохо освещённый, пустой коридор тут и там украшали требования соблюдать дистанцию. Мартин дотронулся до нагрудного кармана: в нем лежало свидетельство о рождении, выданное на родине. Почему он взял его с собой, Мартин и сам не знал. Вопрос про язык его обрадовал — но и обескуражил. Впрочем, в центре занятости сказали, что официально в Wilde Jagd говорят по-немецки и что задания ему объяснят на месте, но не будет *ничего такого*. Вопрос, что, по мнению фрау Хелле «такое», повис в воздухе, но Мартин так его и не задал.

Напротив таблички он остановился. На всякий случай расправил плечи. По ту сторону кто-то громко разговаривал, но слов было не разобрать. Подождав с минуту, Мартин открыл дверь.

— Ну возьмите, что вам стоит?! Там всего-то первая категория, девочке десять лет! — тараторила в телефонную трубку сидящая за столом коротко стриженная девушка. Сквозь дырчатую кофту просвечивал чёрный лифчик. — Что значит — уже брали? Это было в прошлом месяце! — Девушка строго зыркнула на Мартина и перевела взгляд на маленькие весы в углу стола. — Вы служите Справедливости или нет?! Ну и я говорю. Все мы служим. Все мы в одной… Да что значит — не возьмете?! Алло?

Она возмущённо швырнула трубку на базу. А когда снова посмотрела на Мартина, он заметил, что с левой стороны лица у неё тянется белый шрам — будто корова слизала длинным языком кусок кожи. Никакой маски на ней не было.

— Я надеюсь, вы пришли, чтобы помочь мне работать, — мрачно сказала девушка.

Мартин сглотнул. Он бы отступил, но было некуда — он упирался спиной в дверь.

— Наверное.

— Вы психолог?

— Ну… Скорее практикант.

— Вот это отлично! — Девушка стукнула по столешнице кончиками длинных ногтей. — Работников не хватает, всё спихивают на наш офис. Они там в Порту вообще расслабились. Садитесь, — она указала на пустой стол, стоящий впритык к её столу. — Расскажу.

Тут только Мартин как следует огляделся. Приёмную — а это, несомненно, была она, — заполняли белые шкафы с дырочками вместо ручек. Окно, в которое бились яростные лучи, прикрывали потрёпанные серые жалюзи, и кривые полосы света расчерчивали стену напротив. В стратегической близости от девушки располагалась кофемашина — по виду дорогая, с широким дисплеем. Позади была дверь с табличкой «Fr. Olga Orlova». Другой стол, примыкавший к её столу буквой «г», пустовал — не найдя других вариантов, Мартин осторожно сел за него.

Хотелось снова посмотреть на длинный шрам на лице девушки, но это было бы невежливо, поэтому Мартин смотрел на весы с серебристыми чашечками на её столе. Он думал спросить, что это такое, но решил, что и это невежливо. Поэтому сказал:

— Чем я могу вам помочь?

Накануне Мартин гуглил организацию Wilde Jagd e.V., но нашёл только маленькое агентство с таким же названием, которое предлагало костюмированные вечеринки. Было ещё объединение охотников где-то в лесах Тюрингии. Может, в этих шкафах костюмы? Или ружья?

И почему, интересно, тут не то что масок — даже санитайзеров нет?

— На сегодня главная задача — составить расписание. — Девушка кивнула на кипу бумаг у себя на столе. — Нам нужно раскидать пятнадцать заданий на ближайший месяц в зависимости от места и дедлайна. Понятно?

— Не совсем.

— Да, вообще-то ты прав. — Девушка провела ладонью по волосам и глубоко вздохнула. Она как-то незаметно перешла на «ты». — Я же ничего не объяснила. Давай заново. Меня зовут Петра.

— Привет, Петра, — машинально сказал Мартин и позволил себе снова взглянуть ей в лицо. Если смотреть только в глаза, шрам почти незаметен. — Мартин Штайнмайер.

— Ага, ты где-то у меня был… — Петра защёлкала мышкой, отвернувшись к монитору. — Нашла! Практикант из центра занятости.

— Угу.

— Добро пожаловать в Wilde Jagd! Я работаю здесь секретарем. Если будут вопросы, обращайся. Пару дней на раскачку, потом фрау Орлова пригласит тебя на собеседование — если, конечно, её и тебя все устроит. А пока подпиши… сейчас. — Принтер на углу стола затарахтел, выплёвывая тонкие бумажные листы. — Подпиши, что будешь держать в тайне всё, что здесь увидишь и услышишь.

«Стандартный NDA», — подумал Мартин. Подписал, даже не читая. На стол ему сразу же лёг новый лист — на этот раз с таблицей.

— Видишь список людей? — Голос Петры был уставшим. — Они все живут в определённых точках планеты. Нужно спланировать визиты наших сотрудников так, чтобы они по возможности смогли заехать к нескольким за раз. Можешь пользоваться ноутом, он у тебя в верхнем ящике стола. Пароль — три единицы, три нуля.

Мартин посмотрел на столбец со странами. Англия, Италия, Швейцария…

— А билеты на самолёт им нужны?

— Нет, у нас свой транспорт, — Петра потёрла переносицу. Когда она не злилась, голос у неё был сухой и бесцветный, как пыль на подоконнике.

То есть личный самолёт у них есть, а людей нет?

— А сколько здесь сотрудников? Я имею в виду… Всего.

Глаза Петры на секунду подёрнулись дымкой. Но она быстро пришла в себя, и Мартин решил, что ему показалось.

— Раньше было пятеро. Теперь четверо.

— Хм… — на языке вертелся вопрос, что стало с пятым, но Мартин решил оставить его на потом. Выдвинул ящик стола — внутри действительно лежал чёрный ноутбук с ребристой крышкой. — Попробую.

Он хотел улыбнуться Петре, но она уже отвернулась к экрану компьютера.

Первый рабочий день казался не таким уж сложным.

***

В ящиках стола всё выглядело странно обжитым, словно человек, обычно занимающий это место, вышел за кофе и вот-вот вернётся. Под крышкой ноутбука оказалась потёртая наклейка «ЦСКА», в углу ящика — термокружка для кофе и деревянная коробочка с такими же весами, как на столе у Петры. В нижнем ящике лежала прямоугольная кожаная сумка.

— А это?.. — нерешительно начал Мартин.

Петра нехотя подняла глаза.

— Что?

— Тут вещи.

— Можешь считать, они теперь твои. — И она снова углубилась в работу.

Тревога царапнула изнутри, но Мартин предпочёл об этом не думать. Он открыл ноутбук, ввёл пароль. На рабочем столе не было ничего, кроме браузера и Ворда. В папках пусто, в корзине тоже. Кому бы ни принадлежал ноутбук раньше, этот человек стёр все данные. Хотя наклейку с ЦСКА зачем-то оставил.

Подумав, Мартин открыл карту мира и придвинул к себе список с именами. Но не успел вникнуть, как дверь распахнулась и в приёмную влетела блондинка в зелёном платье в горошек. Голову ее, как нимб, окружало облако кудрявых тонких волос.

Бросив на Мартина беглый взгляд и, видимо, сочтя бесполезным, блондинка устремилась к Петре.

— Привет, дорогая! — По-немецки девушка говорила с едва заметным акцентом. Она была высокая и худая, как модель. На ногах у неё красовались лакированные чёрные туфельки и белые носочки. Мартин никак не мог определить, сколько ей лет. Двадцать? Тридцать? Тридцать пять? — Как ты? Как?.. — она оглянулась на Мартина. Голос её стал тише. — …похороны?

Петра мотнула головой, делаясь ещё более бесстрастной.

— Всё в порядке. Я чем-то могу тебе помочь? — Тут она спохватилась: — Это, кстати, наш новый практикант. Мартин Штайнмайер. Познакомься. Мартин, это Магда.

Магда приветливо ему улыбнулась — зубы у неё были ровные и белые, а губы яркие, хоть и ненакрашенные.

— Привет, Мартин, — быстро сказала она и, прежде чем Мартин успел ответить, приставила к столу Петры стул.

— Я хочу поговорить. Ольга на месте?

— На месте, — сухо отозвалась Петра. — Но лучше назначить.

— Да, конечно. — Магда откинула по-детски прозрачные кудрявые локоны — Мартин прекрасно видел, что они уложены лаком, — и положила локоть на спинку стула. Мелькнуло тонкое запястье и кисть с нежно-розовым маникюром. — Я хотела поговорить по поводу своих рабочих часов.

— Хмм? — Петра приподняла густо накрашенные брови. Здоровая часть её лица выразила что-то среднее между удивлением и наигранным участием.

— Тиму уже пять лет, в следующем году в школу.

— Угу…

— Я бы хотела работать в первой половине дня.

Петра встрепенулась.

— Что?

— Я каждое утро отвожу Тима в сад, — терпеливо продолжала Магда. Мартин подумал, что если она ещё находит время уложить свои локоны, то, наверное, встает с рассветом. — Если возвращаться в пять утра, это довольно неудобно, понимаешь? Я одна, Эдди забирает его только на выходные, и то…

— Ставить твои вылеты на выходные? — сухо спросила Петра.

Изящная кисть дернулась.

— Эдди забирает его через раз. Я не могу оставлять Тима одного на ночь...

Петра перевела на неё стеклянный взгляд.

— Что ты предлагаешь? Ставить вылеты на утро?

— Или перевести меня на другую работу. У нас вот снова нет психолога! — беспомощно воскликнула Магда.

— А ты психолог? — Петра подняла левую бровь. Шрам на щеке поехал вверх.

Мартину было не видно лица Магды, но он почему-то подумал, что та поджала губы.

— У меня есть психологическое образование. Я бы хотела поговорить с Ольгой, если ты не против.

Петра молча приложила к уху черную трубку.

— Фрау Орлова? Тут Магда, — коротко сообщила она, и Мартин впервые понял, что рядом всё это время был ещё минимум один человек. Просто за стеной. — Хочет изменить свои рабочие часы.

Магда возмущённо выдохнула:

— Я не это сказала!

Но поздно — Петра уже положила трубку.

— Можешь зайти.

Магда поднялась — качнулся зелёный подол платья, плеснуло яблочным ароматом духов. Зацокали каблучки блестящих чёрных туфель. Мартин невольно отметил, какие у неё длинные ноги.

— Она… — вопросительно начал он, когда за Магдой закрылась дверь с табличкой «Fr. Olga Orlova».

Петра подняла на него глаза.

— Твоя будущая коллега, если останешься тут работать. Есть ещё какие-то вопросы?

Мартин потрогал пальцем гладкую поверхность наклейки с ЦСКА.

— Займусь списком.

Он успел обработать половину — поставил людей из Англии в один день, потом сгруппировал Италию и Испанию, обозначил точки на карте. Озаботился вопросом, знают ли эти люди, что к ним придут — Петра сказала, что нет и не должны — и тут из-за двери выскочила раскрасневшаяся Магда. Челюсти её были стиснуты, грудь вздымалась, как будто Магде было нечем дышать.

— Ну что? — не обернувшись, спросила Петра. — Ставить тебе вылеты на выходные?

— Не надо.

Снова процокали каблучки. Прежде чем хлопнуть дверью, Магда бросила: «До скорого!» — и была такова.

Мартин посмотрел на Петру — та не шелохнулась.

— А она не может уволиться? Ну… Я имею в виду, в крайнем случае, — нерешительно начал он.

— Отсюда не увольняются, — просто ответила Петра. И снова щёлкнула мышкой.

***

Было около трёх дня, когда Петра ушла на обед. Она предложила Мартину пойти с ней, но он сослался на плотный завтрак. Едва за Петрой закрылась дверь, он выдвинул нижний ящик стола и достал кожаную сумку. Кожа была на ощупь мягкой и теплой. Внутри лежали вещи, которые Мартин никак не мог связать между собой: похожий на дезодорант пухлый баллончик без надписи и гранёный бутылёк с тёмной жидкостью. Мартин хотел было принюхаться, но потом передумал. Поводил в сумке рукой и наткнулся на что-то твёрдое. Он вытащил длинный нож в чёрных ножнах, с кожаной обмоткой вокруг рукояти. Задумчиво посмотрел на него, положил рядом с ноутбуком. В сумке было что-то ещё, совсем легкое. Посидев с минуту неподвижно, Мартин достал и этот предмет. В небольшом бархатном футляре лежал платок. Мартин почему-то представил себе человека в кожаном плаще, кого-то вроде Ван Хельсинга, который стирает платком кровь со стального клинка, достает из сумки термокружку с наклейкой ЦСКА и делает большой глоток кофе. А потом умирает — не зря же Магда говорила про похороны?.. На следующий день на его место приходит некто Мартин Штайнмайер и вскоре тоже умирает при невыясненных обстоятельствах...

Бред какой-то.

Мартин сложил всё обратно в сумку и окинул взглядом кабинет. Встал, подёргал дверцы шкафов за выемки — ручек-то не было. Окна выходили во внутренний двор. Между шкафами обнаружился сертификат, выданный берлинским Сенатом некоммерческой организации Wilde Jagd e.V., в котором говорилось, что организация работает исключительно на благо общества.

Ван Хельсинг с термокружкой не выходил у Мартина из головы.

Чем они таким занимаются, что для этого нужен нож? Почему Петра толком ему ничего не объяснила? Может, она сразу решила, что он им не подходит?

Мартину стало жарко. Надо открыть окно. Нет, сначала — успокоиться. Петра вернётся, и он у неё всё спросит.

Мартин сел за свое место и достал из рюкзака завёрнутый в бумагу бутерброд. Надо сосредоточиться на еде. Откусывать маленькими кусочками и тщательно пережёвывать... Во-первых, ничего плохого не случилось. Ему дали выполнимое задание, которое можно закончить сегодня. Во-вторых, мало ли, кто сидел здесь до него. Этот человек наверняка ещё вернётся за своими вещами.

Забывшись и проглотив полбутерброда за раз, Мартин отложил его, выдвинул все ящики разом и начал заново просматривать содержимое. На этот раз внимание его привлекла странно знакомая чёрная коробочка с широким экраном и парой кнопок-стрелок на корпусе. В его детстве была похожая. Как её... Переносной Плейстейшен? Кажется, они просто говорили PSP.

Мартин знал, что без батареек он не включится, но всё равно сдвинул power. Экран вспыхнул алым. Кровь на нём лилась и лилась, будто кто-то открыл для неё кран, а несколько секунд спустя в лужу на асфальте рухнула голая женщина со связанными за спиной руками.

Мартина окатило волной адреналина, в затылок воткнулись ледяные иглы.

Это что, игра? Трейлер фильма? Или, может, он сходит с ума? Один раз у него начались галлюцинации и не прекращались несколько дней.

Что-то хрустнуло, накренилось, и Мартин повалился на пол.

— Да чтоб вас всех! — по-русски пробормотал он, выбираясь из-под покосившегося стула.

— Кого — всех?

Над Мартином склонилась маленькая женщина в нежно-голубой кофте. У неё были мягкие черты лица и сострадательные синие глаза за стёклами круглых очков.

— Никого, — быстро ответил Мартин, застыв на полу. — Добрый день.

— Здравствуйте, — сдержанно сказала женщина, разглядывая его. — Добро пожаловать, господин Штайнмайер.

***

Управляющая некоммерческой организацией Wilde Jagd e.V. фрау Ольга Орлова заправила за ухо короткую прядь. Делать это было бесполезно — из-за стрижки «лесенкой» волосы постоянно выбивались. Мартин, полтора года проучившийся на парикмахера, ясно это видел — но, разумеется, молчал. Откинувшись на спинку стула в попытке выглядеть расслабленным, он наблюдал, как фрау Орлова скользит глазами по строчкам в мониторе, и пытался сообразить, как себя вести. В конце концов не придумал ничего лучше, чем сказать:

— Я, кажется, сломал его. — Мартин кивнул на пээспэшку перед собой. — Извините.

— Не думаю, — успокаивающе возразила фрау Орлова и, щелкнув мышкой в последний раз, перевела на него взгляд. — У вас, наверное, масса вопросов, господин Штайнмайер?

Мартин кивнул. Вопросов было столько, что он мог бы в них утонуть.

— Вы что-то видели на экране?

Мартин снова кивнул. Если он скажет правду, она может решить, что он сумасшедший. Сумасшедших не берут на работу. А может, ему и правда привиделось? Перед глазами снова встали алые потоки. Крови однозначно было слишком много — наверняка постановка. Или фильм…

— То, что вы видели, случилось почти двадцать лет назад, — мягко сказала фрау Орлова, следя за его реакцией. — Женщину похитили прямо из дома, издевались над ней, насиловали, а потом перерезали горло. Это сделал коллега её мужа, который долго был влюблён в неё, но не получал взаимности. Ему помогал брат. Их подозревали, но доказательств так и не нашли.

Никого из них не наказали. Брат потом погиб в аварии, а вот коллега жил как ни в чём не бывало. Более того, подумывал повторить свой опыт с соседской девушкой, которая каждое воскресенье ходила через парк на теннисный корт...

Пока фрау Орлова говорила, Мартин пытался понять, что его шокирует больше: то, что увиденное на экране — не плод его воображения, или что какой-то человек убил женщину, перерезав ей горло.

Тут память услужливо подкинула ему нож из кожаной сумки.

— А что… что вы с ним сделали? — спросил Мартин онемевшими губами.

— Ликвидировали, — спокойно ответила фрау Орлова. — Та женщина не единственная. Он заслужил наказание.

В кабинете повисла тишина. В напоенном солнцем воздухе застыли крошечные частицы пыли. Даже минутная стрелка на круглых часах, кажется, не двигалась. Все замерло в ожидании.

— Если я теперь откажусь, вы меня убьете? — сглотнув, тихо спросил Мартин.

Фрау Орлова усмехнулась. Тонкие морщинки собрались вокруг глаз, и Мартин задумался, сколько ей лет. Больше тридцати однозначно. Сорок? Она точно моложе его пятидесятилетней мамы. И красивее.

— Никто вас не убьет, господин Штайнмайер, — мягко произнесла фрау Орлова. Мартин почувствовал, как пружина между лопаток разжалась. Хотя это было глупо. У него не было ни одной причины расслабляться только потому, что она пообещала безопасность. — Если вы не станете с нами работать, я просто нарисую на вашей фотографии став изъятия памяти, и вы всё забудете.

Чтобы не пялиться на голубую кофту фрау Орловой, Мартин смотрел на весы — такие же, как на столе у Петры, с серебристыми чашечками на цепочках и деревянным основанием.

Лучше бы его снова определили на кассу в супермаркет. Мама всегда говорила, что в центре занятости нормальную работу не получить. Самое время уйти, пока не поздно. Но сил встать почему-то не было.

— Уверена, вы слышали о средневековой инквизиции, — спустя паузу продолжила фрау Орлова. Видимо, посчитала хорошим знаком, что он остался. — Многим тогда казалось несправедливым, как поступали с женщинами, но они боялись протестовать открыто: их обвинили бы в связи с демоническими силами. Эти люди объединились для тайного протеста — так возник наш Орден. Сначала его участники проникали в ряды инквизиции, чтобы смягчить страдания ложнообвиненных женщин, но потом стали убивать самих инквизиторов. Старались, чтобы это не походило на убийство, иначе за ними начали бы охоту… Довольно быстро выросло целое движение ради возмездия тем, кто в принципе плохо поступил. По легенде, именно тогда у Ордена появился предводитель, а вместе с ним — служба Великой Справедливости и весы, которые определяли, кто действительно заслужил кару.

Мартин разглядывал весы. Он почему-то был уверен — даже если тронуть чаши пальцем, они останутся неподвижными. Остатки здравого смысла подсказывали: больше всего это походит на завязку фэнтези-книги или игры. Или тех подставных видео, где людям рассказывают небылицы, а в углу за занавеской прячется камера.

Невероятным усилием Мартин все же заставил себя встать, хотя сам воздух словно давил на плечи. Пробивающееся сквозь жалюзи солнце душило теплом.

— По-моему, вы ошиблись, — пробормотал Мартин. — Я не… Я не смогу.

— Есть что-то, что вам очень хотелось бы получить, господин Штайнмайер? — вдруг спросила фрау Орлова.

— Я не знаю.

— Подумайте.

Она отвлеклась на монитор, как будто ожидала, что Мартин сию секунду отыщет сокровенное желание.

— Мне ничего не нужно. — Мартин порадовался, что голос звучит твёрдо.

Фрау Орлова помедлила. Потом развернула к нему фоторамку на столе. Со снимка улыбался лохматый подросток с такими же синими, как у неё, глазами, и крупными веснушками на носу.

— Это мой сын, — сказала она.

Потом достала из ящика стола ещё одну фотографию — маленькую, размытую, явно плохого качества. На ней мальчик размером не больше рюкзака лежал на голубом одеяле, неестественно выгнувшись и отвернув лицо от камеры. Единственное, что по этой фотографии было ясно Мартину, никогда не имевшему дело с детьми, — мальчик очень болен.

— Это тоже мой сын, — спокойно сказала фрау Орлова. Сама она глянула на фото лишь мельком. — Здесь ему полтора года. Тяжёлая форма ДЦП. Я пожелала для него здоровья и долгой жизни, и он выздоровел. Так что подумайте на досуге, есть ли что-то, чего вы хотите. Очень сильно хотите. — Помолчав, она добавила: — Всё, что я вам сейчас рассказала, — правда, господин Штайнмайер.

Мартин сел. Он перестал пытаться осмыслить происходящее. В комнате было жарко и душно, но выйти из неё он не мог.

— Вы продали душу дьяволу? — наконец спросил он.

— Зачем же. Моя душа со мной. — Как бы подтверждая это, фрау Орлова коснулась пальцами круглого выреза на груди. — А мой сын здоров.

Одна часть Мартина фиксировала: фотографии — наверняка фотошоп. Их несложно подделать. А можно и не подделывать, просто взять фотографии разных детей.

Другая ничуть не сомневалась в словах фрау Орловой. Ведь откуда-то же взялись все эти истории, где в обмен на желаемое нужно отдать что-то очень важное для себя? Первенца там. Или собаку.

— А что взамен?

— Я отдала время. Двадцать пять лет службы.

— Службы, — повторил Мартин и снова подумал про террористическую организацию. Или секту. — Допустим, это правда, — сказал Мартин, и та часть, которая считала происходящее выдумкой, выразительно покрутила пальцем у виска. — А осечки случаются?

Голубые глаза за стёклами очков проницательно сверкнули.

— Что вы имеете в виду?

— В смысле… — Мартин снова сглотнул и даже досчитал про себя до трёх. — Что вы убиваете не тех. Невиновных.

Фрау Орлова улыбнулась почти ласково.

— Ликвидируем, — мягко поправила она. — Нет, это исключено. — Она качнула пальцем плашку весов. — После получения списков мы ещё раз проверяем виновность. Весы не дадут совершить ошибку.

— А что они сделают — схватят за руку? — неожиданно для самого себя Мартин усмехнулся. Фрау Орлова снова подняла свои тонкие каштановые брови, но не успела ничего сказать. — Ладно. Я согласен. Оклад есть? Даже без желаний?

— Две тысячи пятьсот нетто, — сдержанно отозвалась фрау Орлова.

Мартин кивнул.

— А рабочие часы?

— Стандартные. Мы работаем строго с понедельника по пятницу в соответствии с трудовым законодательством Германии. — Фрау Орлова глянула на часы. — Подумайте, господин Штайнмайер. Петра объяснит ваши обязанности. Она, кстати, уже пришла.

Мартин мысленно сделал себе пометку найти, где спрятана камера. И поднялся, протянув фрау Орловой руку.

— Спасибо.

— Мне — совершенно не за что. — Фрау Орлова тоже поднялась. Ладонь её оказалась прохладной и узкой, а рукопожатие — почти невесомым. — Кстати, как вы относитесь к лошадям?

Мартин вспомнил, что в центре занятости его спрашивали о животных. Потом — что Петра что-то говорила про собственный транспорт.

— Мне нужно будет на них… — нужное слово выскочило из головы. Так бывало с русскими словами, которыми он пользовался значительно реже, чем немецкими. — Кататься?

Пальцы фрау Орловой едва ощутимо сжали его кисть.

— Пока нет. Если у вас возникнут вопросы…

Мартин понял, что это способ попрощаться, и быстро отпустил её руку. Сердце стучало так громко, что он почти не слышал собственный голос:

— Я понял. Всего доброго, фрау Орлова.

— Всего доброго, господин Штайнмайер.

***

Когда Мартин пришёл домой, чёрно-серое небо висело над Берлином, грозясь пролиться ядовитыми слезами. Июль выдался одновременно жарким, дождливым и душным, как баня.

Мартин кинул сумку в прихожей, освободился от кроссовок и прошёл в полутёмную кухню. Ветхая квартира в здании начала двадцатых с запахом плесени, сухих газетных страниц и пыли досталась ему в наследство от брата отчима. Здание было таким старым, что кое-где в стенах угадывались очертания навсегда замурованных дверей, а под потолком остались сделанные от руки корявые надписи. Мартин иногда представлял себе, что кто-то из Сопротивления в последние секунды перед пленом написал послание для потомков. Или, на крайний случай — где искать его сокровища или личный дневник. Он обещал себе как-нибудь забраться на стремянку и рассмотреть записи поближе, но так и не собрался.

Старые половицы монотонно скрипели под шагами: ить-так, ить-так. Мартин дошёл до кресла, покрытого вязаным покрывалом, и рухнул в него. На улице начиналась гроза. За единственным окном с двойными стёклами загрохотало, будто небо готовилось обвалиться, как старая штукатурка, и мир утонул в водяных потоках.

Не поднимаясь, Мартин открыл одной рукой холодильник, почти вплотную примыкавший к креслу, и достал банку «Пилснера». С шипением крякнула крышка.

Он откинулся в кресле, слушая далёкие раскаты. Сделал первый глоток и прикрыл глаза. Квартира баюкала его, вбирая усталость. Мартин дремал под грохот раскалывающегося за окном неба, и под его закрытыми веками мелькали выцветшие от времени кадры. Вот он на коленях у кого-то большого и тёплого, кто, как он сейчас, сидит в кресле. Вот грубоватые ладони с мозолями проходятся по его макушке, убирают вечно мешающую чёлку, гладят по спине.

— Ну что, Мишутка, — говорит папа. — Еще одну сказку, и спать?

Воспоминание старое, как изодранный плед. Мартин старается не использовать его слишком часто, но в такие дни, как этот, без него не обойтись. Пока ливень барабанит в стекло, он сжимает пальцами холодную банку и вспоминает, как папа несёт его, хохочущего, в соседнюю комнату, укладывает на кровать и читает про Ганса и Гретель, про Короля-лягушонка и верного Генриха. Где в это время была мама, взрослый Мартин не задумывался. Там же где-то, наверное. Просто он не помнит.

Несколько минут он сидел, вслушиваясь в дождь, и перебирал в голове всё, что произошло за сегодня. Длинный день. И очень странный.

Интересно, он теперь должен будет убивать людей?

Ликвидировать.

Мартин поднялся и под дребезжание грозы добрался по тёмному коридору до спальни. Достал из-под кровати два деревянных ящика, проложенных старой мешковиной. В одном из них лежала потрёпанная папка с газетными вырезками и интернетными распечатками. Мартин наугад вытащил первую.

Молния сверкнула, на мгновение залив страницы белым светом. *Смертельное нападение с ножом в Нойкельне.* Мартину не нужно было перечитывать — он помнил текст до лишней точки в конце последнего предложения. *В районе Нойкельна в ночь с четверга на пятницу убит мужчина тридцати пяти лет.* Отцу было тридцать четыре. *Инцидент произошёл около 22:30…* Отец любил прогулки перед сном. *Личность не установлена.* Он редко брал с собой паспорт. Точнее никогда не брал. *Скончался на месте от удара ножом в сердце*.

Тем ножом, что Мартин сегодня видел, вполне можно убить.

Молния сверкнула снова, и Мартин вытащил другой листок. *Убийство в аэропорту Тегель: мужчина задушен перед вылетом. По предварительным данным, прямо в зале вылета…* Комната снова утонула в полумраке, но Мартин прекрасно помнил, что там дальше. *Инцидент произошёл около 7:15 утра недалеко от выхода на посадку. Мужчина прибыл один, проходил регистрацию на рейс, но до самолета не дошёл. Его тело обнаружили в санитарной зоне рядом с кафе. Медики, прибывшие на место, лишь констатировали смерть. Следов борьбы не выявлено. Имя погибшего не разглашается.* Снова — никто ничего не видел, и камеры никого не зафиксировали. А мужчина по описанию походил на отца. Рейс как раз вылетал в Казахстан.

Молния разломила небо в последний раз, и Мартин захлопнул папку. Сел на кровать, обхватил голову руками. Сколько таких заметок он вызубрил, представляя на месте убитых отца? В детстве это объяснение казалось логичным: с тех пор, как ушёл, папа ни разу не вышел на связь. Конечно, с ним что-то случилось.

Мартин сжал лоб пальцами так, что стало больно.

Мысль пришла ему в голову ещё в кабинете этой обманчиво ласковой женщины в голубой кофте. Отец был крепким мужчиной, высоким, с опытом армейской службы. Он бы отбился от любого грабителя или бандита. Тот, кто убил его — *если* убил, поправил себя Мартин, — точно должен был обладать какой-то особенной силой. Мог ли кто-то из ликвидаторов по ошибке убить отца? Фрау Орлова сказала, что весы не ошибаются...

За окном громыхнуло, словно невидимая плеть ударила по карнизу.

Мартин откинулся на кровать. Потер кулаками уставшие глаза. Наверняка у них есть какой-то архив.

Надо спросить.

***

Ибрагим

Настроение у старшего карателя Ибрагима Закаева было паршивое. Мало того, что ликвидацию ему ставили вторую ночь подряд (одного преступника надо было кровь из носу убрать до понедельника, а в выходные в Wilde Jagd не работали), и работать, в нарушение устава, приходилось в одиночку, так Петра ещё всучила дело, которое он наотрез отказывался брать.

— Я хоть раз подводил тебя? — спрашивал Ибрагим на ломаном немецком, требовательно заглядывая ей в глаза. — Хоть раз отказывался от работы? Не шёл тебе навстречу, когда ты просила?

— Нет, Ибрагим, — ровно отвечала Петра, ни капли не смущаясь. — Орден благодарен тебе за работу и исполнительность.

— Так почему же, когда я единственный раз прошу отдать кому-то ликвидацию, ты мне отказываешь?

Петра вздохнула.

— Они в одном городе, — терпеливо объяснила она. — Этот мужчина и девочка. Практически на одной улице. Глупо дважды посылать разных карателей в одно и то же место.

«Ну так пошлите другого!» — вертелось на языке у Ибрагима, но он этого не сказал. Ибрагим был человеком гордым и дважды просить не любил.

Уходя, он позволил себе хлопнуть дверью с табличкой «Wilde Jagd e.V.», и теперь собирался на работу мрачнее тучи. Ибрагим проверил досье приговорённых в нагрудном кармане, сумку через плечо и нож на поясе. Хотя сегодня нож не понадобится. Всем выпала лёгкая смерть: пшикнуть обездвиживателем и влить яд в рот. Говорят, раньше впрыскивали под кожу, но потом судебная экспертиза научилась находить следы уколов. Приходилось приоткрывать безвольные губы и вливать волшебный яд, который невозможно обнаружить при вскрытии. Признаться, этот способ Ибрагим не жаловал. Ему всё казалось, что он однажды не сработает: яд не затечёт в горло или еще что. Но такие вещи не ему решать.

Убедившись, что всё нужное на месте, Ибрагим повязал шарф и вышел из дома. Ночь была безлунная. Он давно заметил, что ночи ликвидаций всегда чёрные, плотные, как колючее шерстяное одеяло. Сегодня ему это было по нраву.

Ибрагим дошагал до конюшни — строго говоря, не конюшни, а старого трамвайного депо: круглого здания с куполом, в котором имелось несколько дыр — сквозь них удобно взлетать лошадям. Внутри пахло опилками и кровью, хотя крови здесь взяться было неоткуда. Сам себе Ибрагим объяснял, что дело в лошадях.

Он моргнул и увидел привязанную к столбу костлявую кобылу — Анастасию. Она лениво что-то жевала, опустив длинную морду и прижав перепончатые крылья к спине. Анастасия повернула голову, зыркнула на Ибрагима пустой глазницей и приветственно фыркнула.

— Здравствуй, красавица. — Ибрагим осторожно отвязал её, следя, чтобы руки были подальше от змеиных черных губ. Привычное ощущение проникло в сердце, расправило спину и грудную клетку — сразу задышалось легче и полнее. — Отдохнула?

Анастасия мотнула костистым черепом.

Рядом возмущённо заржали — сквозь ночной воздух проступили перепончатые крылья Дризеллы.

— И тебе здравствуй, милая, — Ибрагим надел припасённые заранее перчатки и потрепал Дризеллу за ухом. Даже сквозь плотную кожу ощущался исходящий от неё жар. — Застоялась, небось. Ну ничего, скоро новый практикант выйдет на работу — полетаешь…

Ибрагим закрепил седло на Анастасии, вставил ногу в стремя и, подтянув крепко сбитое сухое тело, перекинул вторую.

— Готова? — спросил Ибрагим, и адская лошадка под ним снова фыркнула.

Он нарисовал в воздухе став удачного исхода, тронул поводья, и Анастасия послушно взмыла ввысь, аккуратно вписавшись в самую большую дыру в куполе. Ибрагим нырнул в ночь и привычно вцепился в короткую жёсткую гриву. Человек, которого до него носила на себе Анастасия, как-то отпустил гриву и поводья, и больше его не видели.

Иногда он думал, что им, карателям, умнее до последнего не использовать своё желание, а за секунду до неминуемой смерти шепнуть: «Хочу выжить». На собеседовании одиннадцать лет назад аккуратная женщина с короткой стрижкой спросила, чего он хотел бы больше всего. Ибрагим усмехнулся. «Мне пятьдесят лет, — сказал он. — Спросили бы вы меня летом девяносто пятого. А сейчас-то уж что?»

Что случилось летом девяносто пятого, он ей так и не сказал.

Разреженный воздух холодил щёки, ветер завывал в ушах, за спиной хлопали огромные перепончатые крылья. От каждого взмаха громадное тело Анастасии ухало вниз, и в животе

у Ибрагима ухало тоже. Он знал, что под ним пестреют огоньки городов, переливаются маяки и автострады, но вниз благоразумно не смотрел. Обычно по дороге на ликвидацию он думал о приговорённых — точнее, об их преступлениях. Но сейчас все попытки подумать об этом заканчивались злостью. Ведь просил же! Просил не ставить... Ладно мужчина. Двух товарищей прикопал и даже бровью не повёл. Но девочка!..

Анастасия мягко приземлилась на заднем дворе двухэтажного дома. Каким-то необъяснимым образом эти создания всегда знали, куда лететь и что делать. Ибрагим порой думал, что они и сами справились бы с ликвидацией.

Он спешился, привязал Анастасию к дереву и пошёл сквозь задний двор. В руках привычно оживала тёплая, искрящаяся энергия, зрение сделалось острее, вечно ноющая боль в пояснице растворялась.

Ибрагим нарисовал на двери рунный став, прижал ладонь к замку — тот щёлкнул, — шагнул в коридор и даже не оступился, вовремя заметив порожек. Угадал нужную дверь среди трёх других. Отточенным жестом выхватил из кармана баллончик. Войдя в тёмную комнату с кроватью в углу, пшикнул в сторону спящего человека раньше, чем толком разглядел его.

Подошёл. Мужчина лет семидесяти с выпирающим под одеялом животом открыл глаза, бешено завращал ими, но больше ничего сделать не мог: обездвиживатель парализовал всё, кроме лёгких.

Ибрагим включил ночник на прикроватной тумбочке, достал из нагрудного кармана бумагу и зачитал:

— Александр Эппле, вы обвиняетесь в убийстве двух сослуживцев шестнадцатого мая тысяча девятьсот девяносто седьмого года. — Глаза мужчины стали совсем страшные, безумные. — Именем Великой Справедливости вы приговорены к ликвидации первой категории.

Ибрагим дождался, когда в распахнутых глазах мелькнёт понимание, и влил в полураскрытые губы яд. Досчитал до пяти, слушая, как мужчина тихо, мучительно мычит и наконец затихает, и кивнул сам себе. Дело было сделано.

Наутро Александра Эппле, семидесяти восьми лет от роду, найдут в своей постели умершим от остановки сердца. Скажут, что ему повезло преставиться во сне.

Ибрагим на всякий случай проверил дыхание, поднеся зеркальце ко рту приговорённого, и тихо вышел. Плотнее запахнул плащ, сунул нос в толстый вязаный шарф. Ночь в летнем Лондоне напоминала ему осень в Грозном.

Он нехотя отвязал Анастасию.

— Может, ну его? — пробормотал он. — Кому ребенок может навредить?

Но Анастасия пряднула ушами и упрямо потянула его в ночь, словно говоря: долг есть долг.

Электронные часы показывали три тридцать. Время ликвидаций — строго с двух до четырёх утра. Петра сказала, что они чуть ли не на одной улице. Да и Анастасия явно не успокоится… Аргументы на этом закончились, и Ибрагим подчинился.

В доме, где жила Виктори Форд, было очень тихо. За дверью начиналась обитая светлым деревом узкая прихожая. Пол покрывал ковёр с восточным орнаментом, на стенах висели портреты в овальных рамках.

«Аристократы, — снисходительно подумал Ибрагим. — Что ж у них ребёнок так себя ведёт…»

В досье приговорённой значилось, что она скинет с балкона новорожденного брата, который должен вырасти и изобрести важное лекарство для человечества. Вообще-то они всегда наказывали за совершённое преступление. Что это за новости вообще — карать за будущее? А как же свобода воли?

Ибрагим беззвучно поднялся по лестнице. Заглянул в хозяйскую спальню — на кровати, прильнув друг к другу, мирно спали мужчина и женщина, в колыбельке рядом спал младенец.

В следующей комнате никого не было. А в третьей наконец обнаружилась она — маленькая светловолосая девочка у окна. Когда он вошёл, она повернула голову.

Ибрагим замер. Он бы прошептал молитву, но давно перестал верить хоть во что-то, кроме клинка и яда. Во-первых, приговорённые, к которым он приходил, всегда спали — так работал став удачного исхода. Во-вторых — и в главных — сейчас на него смотрели серо-голубые глаза ребёнка, которого в далёком девяносто пятом зарезали прямо перед ним.

Этот ребёнок растянул губы в подобии улыбки и по-русски сказал:

— Привет.

Глава 2,

в которой девочка по имени Вичка получает шанс на жизнь, а Мартин — свое первое серьёзное задание.

Некоммерческое объединение Wilde Jagd e.V. начинало работу в десять утра и заканчивало в пять вечера. Мартин проверил накануне — как и профиль фрау Орловой в фейсбуке (родом из Омска, семейное положение не указано), Петры Мерц (окончила факультет менеджмента и управления персоналом в Свободном университете Берлина, не пропускает ни одного митинга, волонтёрит в приютах для животных). Магду он не нашёл.

В девять пятьдесят пять Мартин стоял под дверью, наблюдая, как Петра судорожно ищет ключи. В одной руке она держала пластиковый стаканчик из «Старбакса», другой шарила по дну рюкзака. Мартин предложил подержать стаканчик, но она отказалась.

Он отошёл в сторону.

Ночью он спал урывками. Дождь перестал, и в квартире воцарилась хрупкая тишина, которая была во много раз хуже любого шума. Мысли роились в голове, наскакивали друг на друга, расплывались кровавыми кляксами, похожими на пятна Роршаха — Мартину показывали их, когда в первый раз проверяли на депрессию. Несчастная женщина на коленях, скрюченное тельце больного мальчика и что-то ещё, о чём он никак не мог вспомнить. Он заснул только под утро — и сейчас молча смотрел, как Петра ищет в рюкзаке ключи.

Может, всё-таки не стоило приходить на второй день? Но тогда пришлось бы явиться к фрау Хелле и объяснять, почему он не продержался на новой работе и недели. Да и архив с делами жертв, в котором теоретически могло быть дело его отца, сам себя не откроет… Мартин не особо надеялся, что это правда. Но мысль странным образом поддерживала его. Придавала происходящему смысл.

Петра бубнила под нос что-то про старого шведа[1]. Она была на голову ниже Мартина, худая и плоская, как подросток. Рваная джинсовая юбка висела на ней. В одном ухе сверкал с десяток серебряных колечек, чёрные волосы открывали длинный шрам через щеку. Вблизи Мартин видел, что они крашеные — слишком много синевы.

— Да не могла же я их забыть… — бормотала Петра. — Я всегда их кладу!

— А вчера они где были? — спросил Мартин.

— Ну в другом рюкзаке! — тоном «что здесь непонятного» буркнула Петра. — Но я точно клала… Я помню.

Она издала тяжёлый стон и задрала голову, точно спрашивая себя: «За что мне всё это?» Мартин хотел сказать что-то утешительное, но не решился.

— Петра! — крикнул кто-то в глубине коридора.

К ним шагал сухощавый мужчина в кожаном плаще. Лицо его было узкое, с острыми скулами и впалыми щеками, а взгляд цепкий и пристальный, как у охотника. Он вёл за руку девочку в белом платьице, похожем на ночную рубашку. По плечам у нее разметались спутанные волосы, которые явно забыли расчесать.

— Фрау Мерц! — снова окликнул «охотник», но Петра уже и сама его увидела. Она перестала рыться в рюкзаке и развернулась к ним.

— Ибрагим? Что ты тут... А это... Это что? — Петра требовательно ткнула пальцем в девочку. — Это откуда?

— Это Виктори, — сказал Ибрагим и защитным жестом накрыл плечо девочки. — Нам нужна Ольга.

---

[1] Имеется в виду немецкое ругательство «Ach du alter Schwede», по старомодности сравнимое с нашим «Вот проклятье!»

«Всем нужна Ольга», — отстранённо подумал Мартин.

Девочка подняла на Петру глаза и без улыбки сказала на чистом русском:

— В заднем кармане.

— Что? — Петра возмущённо выдохнула. — Что, блин, здесь происходит?

Мартин вспомнил, как в центре занятости его спрашивали про знание русского.

— В заднем кармане, — перевел он. — Она сказала «в заднем кармане».

Глаза у девочки были оттенка, который обычно сравнивают с небом. Но что-то в этих глазах было странное — как будто она смотрела сквозь людей и пространство, в одну ей известную точку. Мартину стало не по себе, когда она перевела на него взгляд.

— Привет, — нерешительно сказал он.

Девочка продолжала смотреть, не моргая.

Петра сунула руку в единственный карман своей джинсовой юбки и вытащила оттуда ключ.

— Вот дьявол! — тихо выругалась она. Но вместо того, чтобы сказать что-то ещё, быстро отперла дверь. — Заходите.

По очереди они вошли в кабинет: сначала решительно — Петра, потом аккуратно, почти бочком — Мартин, уверенно и твердо — Ибрагим, и наконец, маленькими шаркающими шажочками — девочка, которую назвали Виктори. Сумка, похожая на ту, что Мартин нашёл в столе любителя ЦСКА, висела у Ибрагима через плечо.

Он требовательно повторил:

— Когда будет Ольга?

Оглянулся на девочку, будто боялся, что она убежит или растворится в воздухе. Но девочка и не думала растворяться — она с отсутствующим видом застыла посреди кабинета.

— Ещё не пришла. — Петра воткнула в талию кулак, и вся превратилась в живой укор. — Это то, что я думаю?

— А что ты думаешь?

— Это та девочка на ликвидацию? Из Лондона? — с каждым словом в голосе Петры всё сильнее звучало обвинение, и Мартин вдруг отчётливо понял: девочку должны были убить.

«Они убивают детей», — безучастно подумал он. Сел за свой стол, обнял руками рюкзак и уставился на Петру, которая только что не лопалась от возмущения.

— Из Лондона. Смотри! — Ибрагим за руку подвёл девочку к столу Петры, кольнул ей палец булавкой, выуженной из кармана — девочка даже не пикнула — и капнул кровью на чашу весов.

Ничего не произошло. Чаша не дрогнула.

— Видишь? — победно воскликнул Ибрагим. — Видишь?!

Мартин усиленно всматривался в тонкий остов и круглые серебристые чашечки. Что должно было произойти? Волшебное сияние? Сноп искр?

Петра сложила руки на груди.

— Это не отменяет того факта, что ликвидация не выполнена, Ибрагим. И кстати: я её проверяла перед выходом. Всё было нормально.

Мартин услышал, как мужчина глухо пробормотал по-русски «дура».

— Её не надо ликвидировать! Ты же видишь: весы молчат. А ещё мое желание не сработало, — тише добавил он. — Ничего не работает, Петра.

— Все прекрасно работает, — отрезала Петра.

— Да ни черта тут не работает.

— Это вы не работаете, как надо!

— Кто тут не работает? — негромкий голос окатил их, как ушат прохладной воды. Мартину даже на мгновение стало легче дышать.

В дверях стояла фрау Орлова — спокойная и строгая в коричневом льняном платье. Она оглядела всех по очереди, задержалась на девочке и повторила: — Кто и что тут не работает?

Первым нашелся Ибрагим:

— Это Виктори. Её нельзя на ликвидацию.

Зоркий взгляд фрау Орловой метнулся к чаше весов с выразительно алеющей каплей.

— Обсудим это в кабинете, — негромко распорядилась фрау Орлова и обратилась к девочке: — Как тебя зовут?

Та молчала.

— Она по-русски понимает, — угрюмо подсказал Ибрагим.

Фрау Орлова подошла к девочке ближе и опустилась перед ней на корточки. Когда глаза их оказались на одном уровне, Мартин вдруг заметил, что у фрау Орловой они того же цвета, что у девочки, только чуть темнее — не ясное летнее небо, а мутное, затянутое предгрозовыми облаками.

— Как тебя зовут? — мягко повторила фрау Орлова по-русски. Мартин почему-то вспомнил о её сыне с ДЦП.

Девочка посмотрела на фрау Орлову — на этот раз действительно на неё, а не сквозь.

— Вичка, — ответила девочка. — Мама зовёт меня Вичка.

— А где твоя мама?

Девочка пожала плечами. В своём кукольном платьице, с золотисто-русыми волосами она походила на потерянного ангелочка. Мартин запоздало подумал, что не знает детей, которые бы добровольно так одевались. Если только не решили, что они в сказке Андерсена.

Фрау Орлова выпрямилась.

— Ибрагим, жду тебя в кабинете. Петра, займи Вичку, пока мы говорим.

Когда дверь с табличкой «Fr. Olga Orlova» бесшумно закрылась, Мартин понял, что оказался единственным, кому указаний не досталось.

***

Ибрагим

Ибрагим поставил стул у края стола — так близко к крутящемуся креслу Ольги, что ещё немного, и они бы стукнулись коленями. Ольга чуть отъехала назад, но это явно не выглядело капитуляцией. По линолеуму упруго скрипнули колёса.

Сложив руки под подбородком, Ольга приготовилась слушать.

— Что произошло?

По уровню самообладания она иногда напоминала Ибрагиму тётку Зинаиду — та пережила блокаду, вырастила сына, вышла за дядю Саида, переехала в Грозный и до самой смерти оставалась спокойной и тихой, как каменное изваяние.

— Тебе короткую версию?

— Какая есть.

Ольга смотрела на него и не то что не двигалась — даже не моргала. В свете из окна её лицо выглядело выцветшим, словно отпечатанным на старой фотографии. Ибрагиму на секунду почудилось, что напротив не женщина, а холст.

— Короче, Оля. Не убил я её, — со вздохом сказал Ибрагим. — Не смог.

— Почему?

У Ибрагима перед глазами снова встало утро летом девяносто пятого. Это только в книгах, да ещё вот у них, карателей, самое страшное совершается ночью. А тогда ребёнка и мать зарезали на рассвете. Как и многих других.

— Почему — дело десятое. Она уже тут.

Ольга крутанулась на стуле и включила компьютер. Глаза за стёклами очков забегали по строчкам. Даже не заглядывая ей через плечо, Ибрагим знал, что она просматривает досье удочеренной русской девочки Виктори Форд.

Мелькнула мысль сказать, что он с самого начала отказывался от задания. Но что уж теперь.

Закончив читать, Ольга спросила:

— Значит, ты просто забрал её?

— Я пытался потратить своё желание, — буркнул Ибрагим. — Ну знаешь, оставить ей жизнь. Отменить ликвидацию.

— Насколько я могу судить, её жизнь осталась при ней.

— Но желание не сработало. Я читал в инструкции — должно щёлкнуть внутри. Ничего не щёлкнуло. Я просто не убил её.

— Не ликвидировал, — на автомате поправила Ольга. — Зато забрал её от родителей. — В её голосе отчётливо послышался укор.

— Она приёмная.

— Её же будут искать…

— У них другой ребёнок остался. Родной. Что он там должен был сделать? Лекарство от рака изобрести? Изобретёт. Никто ему не помешает. С каких пор вообще мы ликвидируем детей?

Ольга мрачно на него глянула.

— Хочешь обсудить целесообразность попадания в списки?

На это ответа у Ибрагима не было. Ольга снова углубилась в чтение. Отражение монитора поблёскивало в её очках, лицо оставалось бесстрастным. Пока она молчала, Ибрагим соображал, что теперь делать.

Тогда, летом девяносто пятого, он тоже пытался быстро сообразить, буквально за доли секунды. Рука дёрнулась сама — а в руке был клинок. Его товарищ не ожидал, что удар прилетит от своего, и вовремя не закрылся. Артерия лопнула, хлестнуло алым. Прежняя жизнь Ибрагима Закаева оборвалась. Возвращение домой стало невозможным.

Но сейчас всё и вполовину не так плохо. Девочка жива. И будь он неладен — так это и останется.

— Оля, — глухо позвал Ибрагим. — Если её ликвидируют, я тебе обещаю…

На него обратились спокойные голубые глаза. В их глубине мелькнуло что-то, что напомнило Ибрагиму о заброшенном домике в лесу под Дрезденом.

— …что уволюсь, — закончил он.

Каштановая бровь едва заметно дрогнула.

— Я подумаю, что с этим можно сделать, — сдержанно отозвалась Ольга.

Ибрагим подался вперёд.

— У нас же работать некому. Вон я два раза за неделю летал.

— Я обсужу это с Петрой.

— А Магда вообще скоро уйдёт… — Ибрагим презрительно скривился, — в психологи!

Поднятая бровь будто вопрошала: «откуда ты знаешь?», но отвечать Ибрагим не собирался.

Он продолжал напирать:

— Этот хлюпик там в приёмной работать не будет. Руку даю на отсечение, он при виде Дризеллы в обморок грохнется.

— Посадим его на Синдереллу.

— А при виде трупа начнёт звать мамку.

— Я тебя услышала, — холодно произнесла Ольга и откатилась к стене. — Ты не мог бы подождать в приёмной?

Ибрагим нехотя поднялся. У двери он предпринял последнюю попытку:

— Я тебе так скажу, Оля: эта малышка и то смелее, чем… — Тут его осенило. Не дав себе опомниться, Ибрагим продолжил: — А если она сама будет работать?

Ольга открыла рот — видимо, сказать, что его мнение будет учтено. Но так ничего и не сказала.

— Это не обычная девочка, помяни моё слово! Она не спала, когда я пришёл. Руны на неё не действуют.

Сквозняк из приоткрытого окна тронул занавеску. Ольга глубоко вдохнула. На фоне коричневого платья кожа её казалась очень бледной.

— Ребёнок не справится, — помолчав, сказала она.

Но Ибрагим почувствовал, что победил.

— Я там за дверью подожду.

Ольга легонько двинула ладонью, словно смахивала пыль со стола. Перед тем как уйти, Ибрагим обернулся — и увидел, как ветерок обвил ее фигуру белесой струйкой, словно нашёптывая одному ему известный секрет.

***

Мартин

Пока Ибрагим торчал у фрау Орловой, Петра возилась с кофемашиной. Она уже второй раз нажимала на «старт», не подставив стаканчик, и кофе проливался в поддон. Петра раздражённо поминала старого шведа — последний раз Мартин слышал это ругательство от девяностолетнего преподавателя по экономике — и пробовала снова. Когда кофе всё-таки получился, Петра рухнула за стол и включила ноутбук.

Мартин задумчиво рассматривал весы — в ящике его стола нашлись абсолютно такие же, но к ним доверия было меньше. Пока он понял, что эти весы могут каким-то чудом определять, заслуживает ли человек наказания.

А что тогда случилось сейчас? Раз чаши не шелохнулись, значит, девочка должна жить? Или она невиновна?

Как вообще ребёнок может быть виновен в чём-то настолько, чтобы его хотели убить?

Из-за крышки своего ноутбука, где простраивал очередной маршрут, он наблюдал за Вичкой. Солнце шпарило в не закрытые жалюзи окна, и маленькая фигурка на стуле казалась отлитой из золотого света.

— Хочешь кофе? — по-русски спросил Мартин.

Вичка повернула голову, качнув локонами, и уставилась на него своими прозрачными, как замёрзшие лужи, глазами.

— Я хочу есть.

— Она хочет есть, — зачем-то перевёл на немецкий Мартин.

Петра оторвалась от монитора.

— Ну принеси ей что-нибудь.

Она достала из железной коробочки пять евро и не глядя протянула ему.

— Будешь дёнер? — спросил Мартин у девочки.

И снова его прострелил задумчивый и совсем не детский взгляд.

— Принесу дёнер, — сам себе ответил Мартин и поспешил уйти, машинально сунув пятёрку в карман.

Берлинское лето разламывало асфальт, пронизывало воздух ядовитыми лучами. Воздух был сухой и горячий — только в тени раскидистых клёнов можно было дышать. Под ветвями прятались выставленные на улицу столики маленьких кафешек. Мартин как-то читал книгу про повелительниц сезонов, где Зимняя Дева отвечала за смерть, а Летняя — за любовь.

Щурясь под яростным солнцем, от которого не спасали даже очки, он думал, что автор ошибся: это Летняя должна была нести смерть, а Зимняя — блаженный покой.

Он шагал вдоль кафешек и витрин крошечных винтажных магазинчиков, каким-то чудом уцелевших после карантина, но почти их не замечал. В голову лезли дурацкие воспоминания. Когда Мартину было девять, он застал странную сцену — учитель биологии позвал мальчика из соседнего класса в раздевалку, где все хранили в шкафчиках свои вещи. Мартин в этот момент прятался от обязательной зимней прогулки — то ли от лыж, то ли от пресловутого «подышать воздухом». Сначала все было нормально: из-за шкафчиков слышалось ласковое «Подними ручки. Вот так… Голову осторожно». Потом тому мальчику, похоже, надоело, он брякнул: «Я лучше сам», но учитель мягко возразил: «Конечно, ты можешь сам, но я же хочу помочь», — и, видимо, продолжил раздевание. Мартин интуитивно чувствовал, что нужно вмешаться, но не мог. Словно само время наслоилось на него и застыло, как эпоксидная смола. Тело охватил желейный паралич, а сам Мартин как будто перестал существовать.

Он остановился. Почему он вспомнил об этом именно сейчас?

— Заказываете?

Усатый турок в фирменной кепке выжидательно смотрел на него. Мартин понял, что стоит напротив палатки с дёнерами.

— Дети ведь едят дёнер? — бестолково спросил он.

Турок усмехнулся в усы:

— Дети всё едят.

***

Когда Мартин вернулся в офис, девочка сидела на его месте и болтала недостающими до пола ногами. Ибрагим расхаживал по приёмной, Петра, нацепив большие пузатые наушники, сосредоточенно смотрела в экран.

Ибрагим упёрся в него колючим взглядом. Мартин помотал пакетом, как бы оправдываясь.

— Она сказала, что хочет есть.

Ибрагим оглянулся на девочку. Та продолжала болтать ногами.

— Ты хочешь есть? — по-русски спросил он.

Девочка молчала. Петра стащила один наушник.

— Александр Эппле жил один? — спросила она.

— Один, — бросил Ибрагим.

— Спал, когда ты пришёл?

— Ну конечно, Петра, они всегда спят.

Петра выразительно посмотрела на златовласую Вичку.

— Как видим, не всегда.

Мартин аккуратно положил пакет с завёрнутым в фольгу дёнером на стол.

— Будешь дёнер? — тихо спросил он по-русски. Потом подумал, что в русском нет слова «дёнер», и пояснил: — Это мясо и салат в хлебе.

Вичка потрогала пальчиком тёплую фольгу.

— Это вкусно, — шепнул Мартин.

Петра снова сдвинула наушник.

— А сколько ты летел до второй приговорённой?

Мартин посмотрел на Вичку, гадая, понимает ли она, о чём речь. Та разглядывала шрам на лице Петры.

— Она не приговорённая, Петра, весы её оправдали, — отрезал Ибрагим.

— Пока нет решения, она приговорённая, — возразила Петра. — И вообще хочу напомнить, что в мои обязанности не входит заполнение чужих отчётов.

Тут дверь кабинета бесшумно открылась, и вышла фрау Орлова. Ибрагим остановился, Петра обернулась, полностью сняв наушники. Мартин глупо застыл рядом со столом.

— Я это решение принимать не буду, — мрачно сказала фрау Орлова, ни на кого не глядя. — Но вы можете попробовать. Вас ждут.

— Сегодня? — спросил Ибрагим.

— Сегодня. И, Ибрагим, — окликнула фрау Орлова, когда тот развернулся, хлопнув полами плаща. — Пожалуйста, на поезде. Сейчас день.

Она окинула приёмную взглядом и, больше ничего не сказав, скрылась за дверью.

***

Ибрагим

После убийства в девяносто пятом счёт шёл на минуты. Отряд спустился с горных баз, где зимовали после отхода из Грозного. Им дали задание зайти в деревню и *зачистить* всех, в ком течёт вражеская кровь. Всё шло по плану, пока они не наткнулись на женщину с девочкой. Товарищ Ибрагима, Али, не растерялся: мать даже вскрикнуть не успела — рухнула, заливая пол тёмной кровью. Девочке он попросту свернул шею. То, что случилось дальше, Ибрагим много лет не мог себе объяснить. Рука с кинжалом взметнулась, сталь нырнула вверх и вбок, к горлу. Али рухнул к его сапогам, и только тогда Ибрагим понял, что совершил.

Он стоял в нерешительности, пытаясь сообразить, что делать. Потом переступил через неловко раскинувшееся грузное тело — Али весил под центнер, — проверил пульс у безмолвно уставившейся в потолок девочки. Та была русоволосая, светлая, как ангелок, худенькая. Наверняка ровесница его десятилетней Аминки.

Вдруг подумалось: не видать ему больше Аминки.

У Али трое братьев. Они ведь отомстят по крови… А кровь его, кровь и плоть — Аминка. Звёздочка. Яснооkая, чернобровая. Упрямая, смелая, свободная, как ветер.

Надо уносить ноги.

Ибрагим выбежал из дома и чуть не споткнулся о труп. Зелёная форма, белая лента на рукаве. Русский. И ростом почти как он. Если переодеть в свою одежду, вложить в карман свои документы и опалить лицо до неузнаваемости… Поверят, что это он, Ибрагим, здесь лежит?

Поверили. Через два года он встретил на улице Берлина человека из родного аула. Долго не решался подойти, заговорить. Потом все-таки подошел. Узнал, что деревню тогда действительно зачистили: в каждом доме нашлось по такой зарезанной девочке, по уставившемуся в небо мальчику. А Аминка жила.

И Вичка будет жить.

Ибрагим ехал в скоростном поезде и смотрел на проносящиеся за окном пейзажи. Иногда Германия напоминала ему родину: зелёная, кое-где гористая, с прохладными венами рек и рядами деревянных домиков. Можно подняться на холм где-нибудь в лесу, когда листва шумит от ветра, вдохнуть прохладный воздух и на мгновение ощутить себя дома.

Вичка спала в кресле рядом, уткнувшись лбом в занавеску. Только сейчас, когда он понял, что девочку, скорее всего, оставят в живых, Ибрагим мог осмыслить всё произошедшее.

Он забрал ребёнка. Её объявят в розыск. И рано или поздно найдут — здесь-то, в Германии, её тоже придется зарегистрировать. Школа, врачи — это всё… А если она кому-нибудь расскажет, что её катали ночью на летающей лошадке? А жить ей где? Кажется, самое время использовать желание, но оно, как видно, не работает. Или уже сработало, а он не заметил?

Вичка пошевелилась во сне. Пробирающийся по узкому проходу проводник украдкой кинул на неё полный умиления взгляд. Приспустил маску, чтобы улыбнуться Ибрагиму, но тот снова уставился в окно.

Кое-что его мучило со вчерашнего дня. Весы Вичку оправдали. Но это потому, что он спросил лишний раз. Потому что всё с самого начала было странно. А если бы не спросил? Если бы проигнорировал то, что девочка не спала?

— Где мы? — сонно спросила Вичка, подняв голову, когда поезд мягко затормозил.

В окне мелькнула табличка Dresden Hbf.

— Дрезден, — сказал Ибрагим. — Слышала о таком?

Вичка помотала головой, выглядывая в окно.

— Два часа от Берлина. Красивый город. Правда, мы сейчас поедем дальше.

Вичка положила руки на колени — только тут Ибрагим заметил, что её светлое платье превратилось в серое после ночного полёта на Анастасии. Вичка не испугалась похожей на скелет мёртвой лошади, даже не удивилась. Протянула руку к костлявой морде, пока Ибрагим отвернулся. На счастье, обошлось, Анастасия не цапнула. Хотя в том, что она при возможности не откажется от человечины, он не сомневался.

— Ты… — Ибрагим сам не понимал, что собирался спросить. «Что с тобой не так?» «Почему ты не боишься?» «Почему не хочешь домой?» — Ты хочешь есть? Или пить?

Вичка снова посмотрела на него долгим взглядом.

— Я хочу поскорее увидеть того, к кому мы едем.

***

Когда они добрались до леса, сумерки уже тронули верхушки сосен. Ибрагим шагал по узкой, им самим когда-то протоптанной тропинке, и постоянно оглядывался — проверял, чтобы Вичка шла следом. Лес вокруг завораживал: стволы сосен тянулись вверх, словно чёрные копья, между ними пробегали полосы тумана.

— Тот, к кому мы идём, — рассказывал Ибрагим, — не совсем обычный человек. Если честно, он и не человек...

— А кто? — Вичка ступала за ним след в след.

— Волшебник. Смотри, осторожно, чтобы веткой не прилетело.

Ровно в этот момент ветка хлестнула Вичку по лбу, оставив кровавую царапину. Она этого будто и не заметила.

— Злой или добрый?

— Справедливый, — помедлив, сказал Ибрагим.

Где-то вдалеке насмешливо ухнул филин.

Они вышли к маленькому домику с деревянной крышей и синими ставнями на окнах. Если бы случайный путник заглянул в одно из них, то увидел бы мечущийся в глубине дома огонёк. Но путников в этих местах не было, а если и были, то видели только опушку с вырубленной горкой.

Ибрагим оглянулся на Вичку. Нарисовал в воздухе руну видимости.

— Смотри, это волшебный знак. Он позволяет видеть то, что скрыто от глаз обычных людей. Ты только не бойся.

Пару секунд Вичка невидяще смотрела туда, где стоял домик. Потом радостно взвизгнула. Уж что-что, а бояться она явно не собиралась.

Стоило им зайти, как прихожую огласил капризный лай. Не лай даже, а тонкое, визгливое тявканье.

— Забыл предупредить, — сказал Ибрагим. — Тут живёт собака. Вредная, но не злая. Хотя всё равно с ней лучше не ругаться...

В прихожей, переваливаясь на коротких лапках, показалась коричневая такса. Такса требовательно залаяла, то ли прогоняя незваных гостей, то ли требуя представиться.

— Здравствуй, Ксюша, — уважительно поздоровался Ибрагим.

Вичка задумчиво осматривала возмущённую Ксюшу. В остатках вечернего света было видно, что коричневую шерсть её тронула седина, а чёрные глаза слезятся.

— Сосиска, — тихо сказала Вичка.

— Нет, её зовут Ксюша.

— Но она же толстая и длинная! — Вичка захихикала.

Ксюша оскалилась и тихо, утробно зарычала.

— Ну что ты разнервничалась, Ксюша, — примирительно сказал Ибрагим. — Свои. Передай хозяину — свои.

Ксюша грозно рыкнула напоследок и утопала в глубину дома.

— Говорить буду я, — велел Ибрагим.

Они прошли по коридору — уверенные шаги Ибрагима гулко отдавались от стен, а Вичка ступала почти неслышно. Они вышли в просторную комнату с камином и двумя окнами, в которые вовсю заглядывали сумерки. В зале стояли сундуки и массивное кожаное кресло, развернутое к камину так, чтобы отсекать остальную часть комнаты. В кресле спиной к вошедшим сидел мужчина. Ибрагим всегда видел только его темноволосый затылок и массивную шею над воротником. Никогда мужчина к нему не оборачивался — может быть, и к лучшему.

— Доброго вечера вам, господин, — проговорил Ибрагим, плавно задвигая Вичку себе за спину.

— И тебе доброго, Ибрагим.

Голос у господина В., как все его называли за глаза, был глубокий и раскатистый, словно говорили из пещеры. Ибрагим даже думал — когда вообще размышлял об этом, — что если господин В. что-то скажет в одном конце дома, то будет слышно в другом. Правда, повода проверить не было.

— Со мной девочка, которую оправдали весы. Виктори Форд. Она не спала во время ликвидации. Я прошу рассмотреть вопрос… — Ибрагим запнулся и сам себя обругал. Зачем так усложнять? Чай, не в суде. — Я прошу сохранить ей жизнь.

Кольнула мысль: что, если он откажет? Если сочтёт девочку лишней? Ибрагим ощутил липкий пот под воротом.

— А что по этому поводу думает сама Виктори Форд? — мягко и, кажется, вполне доброжелательно спросил господин В.

Ибрагим понял — пора её показать. Он отступил, чтобы Вичку стало видно.

— Здравствуй, — учтиво сказал господин В.

— Здравствуйте, — ответила Вичка и вытянула шею, чтобы лучше его видеть. — А почему вы сидите спиной?

— О, я смотрю в огонь, милое дитя, — с готовностью ответил господин В., и языки пламени взметнулись в камине, будто собака радостно вильнула хвостом. — В нём отражаются души тех, кто заслужил наказание.

Вичка привстала на цыпочки.

— И где они теперь?

— Там, — в темноте у камина мелькнуло движение, словно кто-то взмахнул рукой.

Вичка подалась вперёд. Ибрагим хотел придержать её, но господин В. велел:

— Нет, Ибрагим. Пусть смотрит.

Когда девочка поравнялась с креслом, из темноты мстительно зарычали — это Ксюша предупреждала, что дальше ходить не стоит. Вичка послушно замерла.

— А они… куда потом? — спросила она, будто и правда что-то видела в огненных всполохах.

— Куда повелит их создатель, — просто ответил господин В.

И снова домик погрузился в тишину. Слышно было, как потрескивают поленья в камине и ворчит древняя Ксюша.

— Я бы тоже там была?

— Верно.

Ибрагим понял, что самое время вмешаться.

— Мой господин… — начал он, но взмах сотканной из темноты руки прервал его.

— Я не хочу быть там, — твердо сказала Вичка.

В ответ послышалась тихая усмешка.

Ибрагим попробовал снова:

— Позвольте мне обучить её. Работников не хватает, а она может обменять годы службы на…

— На жизнь? — мягко прогудел господин В., и Ибрагим различил в его голосе едва ощутимую издевку.

Но ведь весы её оправдали!

— Милое дитя, — голос господина В. сделался бархатным. — Чего бы ты сама хотела?

Даже огонь в камине будто замер в ожидании.

Эта картина навсегда врезалась Ибрагиму в память: маленькая фигурка в грязном платье, растрёпанные волосы и тонкие белые руки, как две палочки, проступающие в темноте. Фигурка подалась вперёд, к тьме, волнами расходящейся от его господина, и почему-то в этот момент Ибрагим подумал: «Они одно целое».

Но тут же эту мысль забыл.

— Я хочу ещё покататься на лошадке, — несмело ответила Вичка. — И помогать дедушке Ибрагиму.

Зачерствевшее после долгих лет ликвидаций сердце Ибрагима дрогнуло. Грудь кольнула тревога.

— И сколько ты готова за это отдать? — поинтересовался господин В.

Укол повторился — словно кто-то сверлил дыру сквозь кирпичную стену, и дыра эта с каждым мгновением ширилась.

— Не надо, — прошептал Ибрагим.

Что-то послышалось в комнате. Странный звук — сухой и дробный, точно сыпанули песка на стекло. Ибрагим не сразу понял, что это смех.

— Подожди, подожди! Давай спросим Виктори. Сколько лет ты хочешь отдать, дитя?

Давно забытое чувство, похожее на тревогу, забралось Ибрагиму под кожу, к самому сердцу — да там и осталось.

— Мне всё равно, — ответила Вичка.

Снова раздался шелестящий смех.

— Никогда жизнь не кажется такой длинной и безоблачной, как в детстве, — мечтательно протянул господин В.

Ибрагим понял, что говорить что-то бесполезно. И вступаться бесполезно. Всё случится так, как до́лжно. Точнее, как задумал великий и всеведущий господин В.

— Скажем, тридцать лет? — ласково предложил он.

— Я хочу на лошадку… — жалобно повторила Вичка.

И вопрос решился. Что-то мелькнуло в воздухе, пронеслось жарким вихрем. Ибрагим увидел, как тёмный кокон на мгновение объял Вичку, а когда отступил, платье её будто бы стало ярче, а русые волосы сверкнули золотом.

— Будет тебе лошадка, — ласково пообещал господин В. — Живи, дитя. Живи и помни, кто дал тебе эту жизнь.

Ибрагим понял, что аудиенция окончена. Перед тем как увести Вичку, он всё-таки решился задать вопрос, мучивший его всё это время.

— Мой господин… — нерешительно начал он в дверях.

— Да, Ибрагим?

— Моё желание… — Все заготовленные слова вдруг выветрились у него из головы. — Оно всё-таки не сработало?

— Разве? — удивился господин В. Голос его звучал искренне, как никогда. — А по-моему, вполне.

Больше спрашивать Ибрагим ничего не стал. На выходе, подгоняемые недовольным похрюкиванием Ксюши, они столкнулись с Магдой. Она была в джинсах и белой блузке, тонкая и воздушная, как лесная нимфа.

— А ты что здесь делаешь? — Ибрагим на автомате положил руку Вичке на плечо.

Вечер уже вступил в свои права, тени набухли, расползлись, подбираясь к ступеням одинокого домика.

Магда кинула на девочку заинтересованный взгляд.

— У меня встреча. — Она вынула из сумки коричневую трубочку — Ксюша радостно взвизгнула и понеслась к Магде. — Ты моя зайка! Скучала? — заворковала Магда, трепля Ксюшу за длинным ухом, но глаз при этом не сводя с Вички. — Это твоя дочка?

— Внучка, — огрызнулся Ибрагим и легонько подтолкнул Вичку в сторону леса. — Удачной встречи.

Вичка послушно поплелась за Ибрагимом.

Когда они шли по тропинке к железнодорожной станции, цепляя по дороге ветки и обжигаясь о крапиву, Вичка задумчиво произнесла:

— Её жизнь скоро изменится.

«Вся наша жизнь скоро изменится», — подумал Ибрагим и крепче сжал её ладошку.

***

Мартин

Сидя на лавочке у выхода из офисного здания на Бергманнштрассе, Мартин лениво жевал остывший дёнер и наблюдал, как дети вдалеке с визгом прыгали вокруг фонтана, разбрызгивая воду во все стороны и наслаждаясь долгожданной свободой после ограничений. Он думал о Вичке. О том, что детей, оказывается, можно ликвидировать. А правила можно нарушать. Потому что система ошибается.

Иначе как объяснить то, что Мартин сегодня увидел?

Он не мог понять, как ко всему этому относится. К новой работе, которая включает в себя волшебные весы и ликвидации, к мрачной Петре со шрамом на пол-лица и к проницательной фрау Орловой, которая предлагает исполнить его самое большое желание.

Проснувшись с утра, он первым делом подумал: «У меня есть работа». Подождал: вдруг плеснёт радостью или наоборот — страхом? Последние двадцать лет в груди зияла дыра. Она не расширялась, не зарастала — просто была. Походила на ведро без дна или губку, впитывающую свет. Каждое утро Мартин просыпался и прислушивался к себе. Расширилась ли дыра? Стало ли ему хуже?

— Приятного аппетита.

Рядом села фрау Орлова. Ноздри пощекотал лёгкий аромат — что-то цветочное, похожее на сирень. В руках у фрау Орловой был стаканчик с кофе, а сами руки — это бросилось Мартину в глаза — были маленькие, всё равно что детские. Почему-то подумалось: она тоже выезжает на ликвидации?

— Шпасибо. — Мартин дожевал кусок дёнера. — Эм… И вам, — с запозданием сказал он, размышляя, можно ли желать приятного аппетита тому, кто пьёт кофе.

— Спасибо, господин Штайнмайер.

— Мартин. Вы можете называть меня Мартин.

Ольга кивнула, наблюдая за резвящейся детворой. Платье её было без рукавов, и вблизи Мартин видел, что руки и плечи её усыпаны крошечными веснушками.

— Как вам второй день в нашем офисе?

Мартин задумался. Какой ответ будет правильным? Какого ответа она ждёт?

— Насыщенно, — наконец сказал он.

— Насыщенно, — задумчиво повторила фрау Орлова. — У вас так и не появилось вопросов?

В витрине антикварной лавки напротив плескалось слепящее солнце, в глубине соседнего кафе пекли свежий хлеб — запах тянулся через улицу, смешиваясь с ароматом обжаренного кофе. Кто-то болтал по-итальянски. Или по-испански?

Уютная Бергманнштрассе жила тихой повседневной жизнью, люди спешили по делам, и никто не подозревал, что происходило в офисном здании номер семнадцать.

— Весы ведь ошиблись? — спросил Мартин. — Девочка ни в чём не виновата?

— Ибрагим как раз отправился это выяснить, — сдержанно отозвалась фрау Орлова.

— Но если не виновата, — Мартин сжал дёнер, как будто тот не желал выдавать информацию. — Значит, такое случается? Ну. В смысле, может иногда случиться?

Фрау Орлова отвернулась к фонтану, вокруг которого прыгали дети.

— Очень редко, господин Штайнмайер.

Внутри Мартина всё замерло. Дурацкая, абсурдная идея про отца снова поднялась со дна души и засияла надеждой. Что, если всё-таки?..

— Что теперь с ней будет? — спросил Мартин.

Фрау Орлова невесело усмехнулась:

— Ибрагим предложил сделать из неё карательницу.

Мартин чуть не выронил дёнер.

— Думаете, не получится? — Фрау Орлова глотнула кофе. — Не справится?

— Думаю… — На языке вертелось, что за детей нельзя решать, и уж тем более — без спросу перевозить в другую страну. Но это к делу не относилось. — Я думаю, что она должна сама решить, чего хочет.

— Это и взрослым иногда не под силу, — очень тихо произнесла фрау Орлова. Костяшки её пальцев, сжимающих стаканчик, побелели.

Фрау Орлова достала из сумочки брошюру с буквой W на обложке и картинкой весов в правом нижнем углу.

— Здесь вся информация, которую вам нужно знать. — Она положила брошюру на лавку рядом с Мартином. — Ознакомьтесь за выходные, господин Штайнмайер.

— Мартин, — на автомате поправил Мартин.

Фрау Орлова обернулась к нему.

— Да. Мартин. — Она помолчала. — У вас, кстати, не появилось желаний?

Возникла мысль узнать про архив. А может, просто пожелать узнать, что стало с отцом? Или чтобы его никогда не привозили в Германию... Фрау Орлова была права — мало кому удаётся понять, чего он на самом деле хочет.

Мартин накрыл татуировку на левом запястье ладонью и попытался поймать ускользающий взгляд начальницы.

— Я бы просто хотел найти работу и остаться на ней. Дольше, чем на три месяца. Понимаете?

В маленькой сумочке на коленях у фрау Орловой зазвонил телефон. Она тут же ответила:

— Да, Ибрагим. Вот как… Ну что ж. Значит, такова воля господина. Мы обсудим это позже.

Фрау Орлова положила телефон на лавку и кинула задумчивый взгляд на резвящихся в фонтане детей.

— Девочка остаётся.

***

Бабушка всегда говорила: как день рождения встретишь, так весь год и проведёшь. Позже Мартин выяснил, что так у него на родине говорили про Новый год, но всё равно привык проживать этот день особенно чутко. Обращал внимание на то, что ему говорили, работал он или отдыхал, был счастлив или не очень. Обычно в этот день звонила бабушка, когда ещё была жива. Заглядывали мама с Николасом — она в последние годы без него никуда не ходила. Писали малочисленные друзья в фейсбуке. Кто-то даже набирал транслитом S dnem Rojdenia.

Вечером Мартин шёл в Rewe на углу и покупал себе шоколадный кекс. Мама приносила яблочный пирог — selbst gemacht, как она с гордостью говорила, — но кекс был его тайной традицией.

В детстве нормальный торт было не достать, поэтому папа покупал кекс. Втыкал в него свечку и велел Мартину дуть изо всех сил, держа в голове одно желание. «Больше все равно не сбудется, — объяснял он. — Лучше не зарываться».

Наедине с собой Мартин свечи не жёг. Но пока жевал кекс, всегда усиленно думал про желание. Один раз — ему было то ли двенадцать, то ли тринадцать лет, — даже сработало. Его перевели из одной ненавистной школы в другую.

Мартин жевал очередной кекс и думал о том, что ему даже нечего пожелать. Не то чтобы у него всё было. Просто он давно разучился чего-то хотеть.

За мутным стеклом окон в WG[2] дождь размывал контуры мира. Мартин мог посчитать по пальцам одной руки, сколько раз за последние двадцать три года в этот день светило солнце. По-честному, его устраивала такая погода: Мартин любил серый цвет. Серый и зелёный — зелёным был газон под окном — классное же сочетание? Надо сделать себе татуировку в таких цветах. Да и вообще сделать что-нибудь масштабное. На часах было уже почти девять вечера, но Мартин чувствовал подъём, как после кофе. Он встал. Идея, воткнувшаяся ему в голову, не давала покоя.

Мартин выскочил из дома в чём был — хорошо, хоть ключи не забыл сунуть в карман джинсов, — и, перебежав дорогу на красный, оказался в тату-салоне напротив.

— Чего тебе, пацан? — спросил бородатый мужик на ресепшене, весь в чёрно-алых татуировках.

Мартин смахнул с лица морось и подумал, что с серо-зелёным он погорячился.

— Вы ещё открыты?

— Через десять минут закрываемся.

— Мне быстро.

— Быстро могу только записать тебя, — угрюмо ответил бородач.

— Мне правда быстро. Только дату.

Бородач посмотрел внимательнее — видно, решал, не обдолбался ли он. Мартин вытащил из кармана сотку одной купюрой, которую подарили мама и Николас, и повторил:

— Только дату. У меня сегодня день рождения.

Бородач облокотился мощными локтями на узенькую стойку.

— И что ты хочешь набить? — спросил он почти ласково. В голосе отчётливо слышалось непроизнесённое «сосунок».

---

[2] Wohngemeinschaft (нем. «общая квартира») — популярный в Германии формат совместной аренды, где несколько человек снимают многокомнатную квартиру.

— Просто дату, плюс пять лет к сегодняшнему дню, — ответил Мартин. И добавил, глядя бородачу прямо в глаза: — Хочу сделать за это время что-то важное.

— Ага. А если не сделаешь?

— Тогда из-за меня на пару часов стопорнут движение по S7[3]*, — так же просто и прямо ответил Мартин.*

Бородач помрачнел.

— Иди проспись, пацан, — буркнул он. — Потом приходи. Если надумаешь. Люди вон от рака мрут, а ты жизнью разбрасываешься, как ящиком из-под пива. Иди! — крикнул он Мартину, как собаке, которую пытаются отогнать. — Вон в церковь обратись, если так смысла и не нашёл к своим двадцати годам.

— Мне двадцать три, — буркнул Мартин.

И ушёл.

***

После обеда Мартин с час читал брошюру, в которой значилось примерно то же, что уже рассказала ему фрау Орлова: Орден основали во времена Инквизиции с целью облегчить страдания несчастных женщин. Потом за женщин начали мстить. Потом появился некто, кто принёс весы и волшебные артефакты, привёл крылатых лошадей для перемещения по миру. И Орден ожил.

Петра ушла в половине пятого, выпив за день столько кофе, что по меркам Мартина не смогла бы спать больше никогда.

Он постучался к фрау Орловой.

— Да?

Мартин протиснулся в дверь. Ольга Орлова сидела за столом в том же виде, что и за обедом, даже волосы у неё лежали ровно так же, совсем не растрепались.

— Да? — повторила фрау Орлова, оторвавшись от монитора. — У вас вопрос?

Мартин сглотнул.

— Я просто прочёл… Ну. Брошюру.

Фрау Орлова кивнула.

— Вам что-то непонятно?

— Да… То есть. Ну. Мелочь.

— Какая?

Мартин набрал в лёгкие побольше воздуха.

— Тут описаны все должности. Каратель, секретарь, психолог, даже пытатель.

— Эту должность упразднили за ненадобностью, — равнодушно отозвалась фрау Орлова.

— Да. Но… Я хотел спросить. А что делает практикант?

Тонкие пальцы фрау Орловой нашли шариковую ручку и завертели её.

— Практикантов у нас никогда не было, господин Штайнмайер.

— Мартин, — на автомате поправил Мартин.

— Да. Мартин.

Разговор был окончен.

[3] Линия городской электрички Берлина (S-Bahn), связывающая восток, центр и юго-запад города.

Глава 3,

в которой Мартин убеждается, что не годится для новой работы, а у Вички появляется новый друг

Ночью Мартину снился один из кошмаров, которые преследовали его последние лет десять. Строго говоря, кошмаром это не было — скорее воспоминанием. Ярким, как кадр из фильма.

В этом сне-воспоминании пятнадцатилетний Мартин в очередной раз спрашивал маму, куда делся папа. Мама с возмущением отвечала, что для неё этот человек перестал существовать, когда с рюкзаком и паспортом вышел за порог дома.

«Так он же мог…» — начинал Мартин, пытаясь сказать, что с папой могло случиться что угодно, но закончить не успевал: мама либо хлопала по столу ладонью, закрывая тему, либо выходила из комнаты.

В тот раз Мартин не дал ей уйти. Метнулся к двери, загородил проём раздавшимися за лето плечами.

— А ну отойди!

Мартин не подчинился.

— И что ты тут, меня запрёшь, что ли? — насмешливо спросила мама.

— Я не уйду, пока ты не скажешь, куда он пошёл!

— Смешной какой, — мама смерила его оценивающим взглядом. — Ты думаешь, я знаю, где твой беглый папаша? Думаешь, мне есть до него дело?

— Знаешь! — хрипло воскликнул Мартин. — Знаешь, просто не хочешь говорить.

— Сдался он мне! — мама шагнула к двери, а Мартин впервые понял: он намного выше неё. Выше и сильнее. — Он мне не отчитывался. Отойди.

— Не отойду!

Взметнулась мамина рука — вряд ли она собиралась ударить сына, скорее просто отодвинуть, — но он неожиданно для самого себя вдруг неловко схватил её за запястье. Тут же испугался — мама же! — но не отпустил.

— Ты мне всё скажешь! — Голос сорвался, пальцы одеревенели. Мартину показалось, будто в ладони скопилась вся ненависть, что жгла его изнутри, и вот-вот просочится сквозь кожу. А душа, распухшая от этой ненависти, сейчас лопнет…

«Ты мне всё скажешь!» — звенело в ушах.

Мартин распахнул глаза и невидяще уставился в потолок сквозь предрассветную муть. Может, ему действительно пожелать узнать всю правду об отце? Может, это и есть его сокровенное желание?..

Он заставил себя закрыть глаза. Сегодня суббота. Нужно попытаться ещё поспать.

***

По субботам Мартин иногда ходил в бассейн. Летом в Берлине работали только бассейны под открытым небом. Мартин их не любил: вокруг с воплями бегали дети, под ногами ползали муравьи, крошки чипсов впивались в ступни, а вода была такая же холодная, как и в помещении. Так что он из принципа ходил в единственный не закрывшийся на лето Stadtbad, а Оливер — очень дальний родственник Мартина — из солидарности ходил с ним.

Строго говоря, они не были родственниками: двадцатипятилетний Оливер был сыном двоюродной сестры Николаса, а Николас — отчимом Мартина. Но в детстве их часто оставляли вдвоём, вдвоём отправляли в спортивные лагеря, и Мартин привык считать Оливера практически братом.

Вода в бассейне была ледяная. Оливер бухнулся с разбегу, а Мартин всё торчал у бортика, собираясь с духом. Две дорожки пустовали, по третьей со скоростью расслабленной улитки плыла женщина в красном чепчике. Мартин видел такие в детских книгах.

«Ей вот явно не холодно», — с тоской подумал Мартин и таки полез в воду.

Он не особо любил плавание, но оно хотя бы не вызывало отвращения, как другие виды спорта. К тому же было отдельное удовольствие в том, чтобы каждый раз вот так понемногу преодолевать себя, спускаясь по лестнице в прохладную воду.

Хотя кого он обманывает? В ледяную.

— Давай лезь! — крикнул ему Оливер, доплыв до противоположного бортика.

Ещё ступенька.

— Она только сначала холодная! — подначивал Оливер. — Давай, Марти!

Ещё одна. Дыхание сбилось, грудную клетку сдавило. Мартин глубоко вдохнул, собираясь оттолкнуться от бортика. Вдруг рядом послышался хрип. Сначала показалось, это кто-то кашлянул, но звук повторился. Мартин увидел, как старушка в красном чепчике сбилась с ритма: руки задёргались, будто отталкивая невидимую преграду, голова так и норовила уйти под воду. Чепчик маяком дрожал над голубоватой водой.

Мартин всё понял мгновенно. Он должен нырнуть. Должен доплыть. Должен…

Пальцы будто вросли в железный поручень, ноги сделались чужими и ватными. Воздух застрял в груди, и он не мог даже крикнуть «на помощь!» В голове вместо мыслей разлилась пустота, будто кто-то нажал на паузу, и мир застыл.

— Эй! — крикнул Оливер, рванув от противоположного бортика. — Держитесь!

Но было поздно. Осколком сознания, которое ещё не заледенело внутри, Мартин это знал. Чувствовал, чем всё закончится. Вода сомкнулась над красным чепчиком, плеск от движений затих.

Когда Оливер вытащил старушку на бортик, сердце её уже не билось. Мартин знал это так же хорошо, как то, что он мог бы её спасти.

Но не спас.

***

Домой он вернулся под вечер. Скинул на пол тяжёлый рюкзак с мокрыми вещами. Доставать не стал. Живот урчал от голода — он ел рано утром, а часы показывали семь вечера. На душе было тошно. Хотелось закрыть глаза и стереть весь этот день.

Ноги с выступающими синими венами.

Обмякшие бескровные губы.

Ощущение собственного тела, которое на несколько секунд как будто перестало ему принадлежать.

Мартин рухнул в кресло, устланное постиранными с вечера вещами, взял со столика брошюру, которую в пятницу дала ему фрау Орлова. Он читал её уже раз пять, если не больше. История возникновения Ордена… Должности в организации… Ликвидация.

Ликвидация происходит строго в соответствии с полученными списками. После получения инструкций от секретаря пара карателей отправляется на задание. При необходимости каратель просматривает преступления приговорённого в визионере. К услугам карателя весы, которые всегда могут подтвердить приговор. Сомнения строго запрещены. После ликвидации все данные о приговорённом заносятся в систему. Данные хранятся в архиве.

Мартин захлопнул брошюру. Ничего в ней не было, никаких подробных объяснений. Только сухие инструкции и пересказы того, что наверняка можно было бы найти на сайте — если бы у Wilde Jagd был сайт.

Мартин подумал о том, что он последний человек во вселенной, кто годится на эту работу. Ведь что вообще нужно, чтобы сознательно ликвидировать человека?

Перед глазами опять замаячил красный чепчик. Не замирать как истукан. Не сомневаться. Не бояться ошибиться.

Невозможно.

«Невозможно», — повторил Мартин и прикрыл глаза.

«Невозможно», — отвечала ему мёртвая старушка.

«Невозможно», — завывал за окном поднявшийся ветер.

Впрочем, ветер скорее посмеивался. В отличие от Мартина он знал, что всё предрешено.

***

Вечером в воскресенье Оливер сидел в полутёмной кухне Мартина и рассказывал, как ему жаль несчастную женщину. Мартин вяло поддакивал и чокался с ним радлером[4]. Оливер, родившийся в Германии, был до странного одержим русской культурой и где-то вычитал, что усопших надо поминать водкой. Он её даже притащил, но Мартин пить отказался. Ограничились радлером и зажжённой ароматической свечкой.

— Может, если бы я успел чуть раньше... — загробным голосом причитал Оливер.

— То вряд ли бы ты успел. Правда. — На этом слова поддержки у Мартина закончились, и он добавил то, что иногда говорила его казахстанская бабушка: — Вообще, может, судьба у неё такая.

Мартин подумал про свою новую работу. Выходит, у некоторых судьба — быть ликвидированными?

— Кстати! — От души глотнув радлера, Оливер захрустел чипсами. — Ты же вышел на новую работу?

— Угу.

— И что за работа?

Мартин повёл плечом. Встал, зажёг единственную лампочку под потолком, заменявшую люстру. Свет показался ему слишком ярким, и он снова щёлкнул выключателем.

— Ну такая… Представь, это как ветеринары усыпляют животных.

Оливер с трудом сглотнул.

— Паршивая работа, если честно, Марти. — Он помолчал. Потом, видимо, вспомнил, что во всем надо искать хорошее, и с деланной бодростью заявил: — Но она тоже важная! Животные не должны страдать.

Мартин почему-то вспомнил аккуратную и собранную фрау Орлову.

— А если они не страдают?

Оливер посмотрел на него с удивлением.

— А зачем их тогда усыплять?

Мартин подошёл к холодильнику.

— Будешь ещё пива?

— Давай.

Они посидели в тишине. Сумерки разливали чернила по комнате, заглядывали в углы, просачивались сквозь стены. Мартин любил сидеть в полутьме этой старинной кухни и представлять себя кем-то из Сопротивления. Наверное, тогда он бы точно знал, зачем живёт.

И не сомневался.

— Ты, кстати, это… веришь во что-то? — осторожно спросил Оливер.

— Например?

— Ну не знаю... Вот представь, если потом кто-то, — Оливер показал пальцем в потолок, — спросит. Знаешь... Где был, что делал. Хорошее, плохое. Весы там.

[4] Слабоалкогольный коктейль из пива и лимонного сока в соотношении 50/50.

Мартин вздрогнул.

— Весы?

— Ну как там было у египтян… На одну чашу — сердце, на другую — перо.

Мартину показалось, что тени из углов хищно метнулись к Оливеру. Облепили его фигуру, прильнули к клетчатой рубашке на груди. Мартин отодвинул от себя бутылку. Пожалуй, ему на сегодня хватит.

— Да не слушай меня, — тут же сказал Оливер. — Забей. Работа как работа. Ты же не людей убивать собрался. Если что — уволишься.

— Угу, — сказал Мартин.

И снова подумал о фрау Орловой.

***

В понедельник Мартин первым делом отправился к ней в кабинет. Он шёл ровным шагом, ни на секунду не веря, что из этого что-то получится. Утром он долго убеждал себя, что его отпустят и ещё можно отмотать назад. Он же пока ничего не подписал. А фрау Орлова сказала, что в случае чего ему просто сотрут память.

Петра с любопытством оглянулась, когда Мартин постучал — вслед за движением головы качнулись огромные серьги-кольца.

— Я могу войти? — спросил Мартин, надеясь, что голос звучит уверенно.

— Входи.

На фрау Орловой был мягкий свитер с пышными рукавами. Волосы лежали, как приклеенные. Мартин на автомате подумал, что по бокам у неё сейчас наверняка заколки-невидимки. Потом — что если сейчас уйдёт, то больше её не увидит.

— Да, господин Штайнмайер? — фрау Орлова заправила за ухо прядь, которая и не думала выбиваться.

— Я могу поговорить с вами?

Она указала на стул у стола.

— Присаживайтесь.

Мартин сел на самый краешек. Солнце сегодня спряталось, и даже с поднятыми жалюзи кабинет тонул в прозрачно-сером свете. Под глазами у фрау Орловой лежали такие же серые тени, но сами глаза оставались внимательными, а взгляд — участливым.

— Итак?

— Вы сказали, что тут не бывает практикантов. В брошюре есть только должности старших карателей, младших карателей, штатного психолога и секретаря... И работников отдела пыток.

— Его упразднили двадцать лет назад.

— Даже если так. — Мартин сильно сжал пальцы правой руки. — Место секретаря занято. Для психолога я явно не гожусь. Практика когда-нибудь закончится. Это получается… Вы хотите, чтобы я стал карателем.

Фрау Орлова смотрела на него с выражением, которое самому Мартину напоминало его первую воспитательницу.

— Мне казалось, мы обсудили это на прошлой неделе.

— Я не подхожу для этой работы, — вымучил Мартин. Он готовился это сказать всё утро, но язык всё равно еле-еле слушался. Рубашка прилипла к спине.

— Почему?

— Просто не гожусь, — тихо повторил Мартин. И, словно сам боялся, что передумает, быстро добавил: — Вы ведь сможете стереть мне память, если я уйду?

Фрау Орлова сняла очки и потёрла переносицу.

— Но в чём причина?

— Я всё равно не смогу это делать.

— Что именно?

— Ну этих… жертв…

— Приговорённых.

— Да. Я не смогу сделать с ними то, что нужно.

Усталый взгляд фрау Орловой прошил его насквозь.

— Они почти всегда спят. Физическая сила не нужна.

Мартин покачал головой.

— Всё равно не получится.

— С чего вы взяли?

«С того, что я превращаюсь в желейного мишку каждый раз, когда нужно совершить активное действие».

Мартин пытался произнести это. Вытащить из недр подсознания и просто вывалить на стол между ними. Но тут взгляд фрау Орловой за стёклами очков метнулся к экрану компьютера.

— Что ж, — с внезапным оживлением произнесла она. — Вы вольны делать то, что посчитаете нужным. В любом случае, было приятно познакомиться, господин Штайнмайер.

Она протянула ему свою маленькую руку с розовым маникюром. Мартин опешил, не веря, что всё разрешилось так быстро.

— Я могу идти?

— Разумеется.

Ладонь фрау Орловой была сухая и прохладная. Отпускать её не хотелось.

***

Когда Мартин вернулся в приёмную, там происходило странное: за столом, который он уже привык считать своим, устроилась блондинка в синем костюме, — кажется, Магда? А Петра активно делала вид, что никто не торчит перед ней с видом «я теперь тут главная».

— Привет! — Магда была само радушие. — Как твои дела?

— Ну… Нормально.

Магда открыла лежащий перед ней ноутбук и деловито спросила:

— Какой у тебя пароль?

Мартин обернулся к Петре. Та наблюдала за Магдой с явным неодобрением.

— Один один один три нуля, — холодно произнесла Петра.

Мартин отметил про себя, как быстро разносятся новости. Сколько времени прошло с момента, как фрау Орлова его отпустила? Меньше минуты?

— Я пойду? — уронил он в пространство, прикидывая, можно ли сейчас спросить про архив. — Петра, слушай…

Но Магда его перебила:

— Вещи только свои забери, пожалуйста. Тут сумка была в ящике… — она плюхнула на стол кожаную сумку, в которой Мартин нашёл вещи своего предшественника.

— Она не моя.

— Но пригодится! — убеждённо возразила Магда. — А вообще — поздравляю. — Она зачем-то поднялась и даже пожала ему руку, перегнувшись через стол.

— Спасибо.

— Я считаю, ты сделал правильный выбор.

Мартин снова оглянулся на Петру, но та нацепила пузатые наушники.

— Да. Я тоже.

На улице он понял, что так и не спросил про архив. И зачем-то взял с собой сумку, которая показалась легче обычного. Широкая лямка удобно легла на плечо. Но Мартин не успел

толком об этом подумать: небо закрыли тучи, вокруг словно резко выключили свет. Ударил дождь. Капли хлестали Мартина по щекам, стекали за воротник, оставляя холодные дорожки. Волосы прилипли ко лбу, и мир вокруг растворился в мутно-серой пелене.

Мартин забежал в арочный проход между двумя кирпичными зданиями, чтобы перевести дух. Не тут-то было: кто-то налетел на него и впечатал в стену.

— Новую работу нашёл, приятель? — прошипели у самого лица.

— Вы кто? — Мартин сам услышал, как жалобно прозвучал его голос.

— Кто я — неважно, а вот ты, я смотрю, новый каратель. Или тебе больше нравится «наёмный убийца»? — Его впечатали в стену с новой силой.

— Нет!

— И сумка у тебя со всем необходимым уже имеется, — прорычал человек. Мартин понял, что тот в капюшоне, и капюшон скрывает пол-лица.

— Она не моя!

— Ну да, и сам ты просто шёл мимо. Хотя было логично, что они возьмут кого-то нового…

— Я не…

— Что, другой работы не нашлось во всем городе? — Тяжёлая рука придавила горло, и очередное объяснение растворилось в попытках вдохнуть.

Куда все подевались? Неужели никто не забежит в арку? Что, у всех с собой зонтики?

Мартин предпринял последнюю попытку:

— Я только что уволился!

Вдалеке яростно громыхнуло, словно с неба скинули ушат воды. Дождь полил с новой силой, и как будто резко упала температура. Мартину пришлось сглотнуть: уши заложило.

— Оттуда не увольняются, — отрезал мужчина. — Короче. Передай Ольге, что баланс нарушен. Вместо одного убийцы взяли двух новых. Если вас так и останется слишком много, то это очень просто исправить.

В лёгких заканчивался воздух. Мартин в отчаянии подумал: «Вот так и случилось с папой». Потом — что очень не хочет умирать. А потом что-то произошло. Как будто в глубине самого его существа расцвела странная, незнакомая раньше сила, наполнила до кончиков пальцев яркой полыхающей энергией — и впервые в жизни вместо того, чтобы замереть, Мартин дал отпор.

Он оттолкнул мужчину и чужим, твёрдым голосом произнёс:

— Я передам то, что нужно. А теперь отойди.

Человек в капюшоне наконец отпустил Мартина. Тут только он смог рассмотреть его: это был мужчина примерно его роста, но гораздо более плотный, в джинсах и свободном чёрном худи. Мужчина повернул голову — стало видно большой, выступающий из-под капюшона нос и едкую улыбку на тонких губах.

Тщательно следя за дыханием, Мартин одёрнул толстовку, поправил лямку сумки, которая словно обнимала его через все тело, и сделал несколько шагов. Мужчина не двигался. Сердце бешено колотилось о рёбра, так, что было больно дышать. Голова кружилась, кровь стучала в ушах, вторя шуму дождя.

Медленно, сам не веря в то, что делает, Мартин пошёл к выходу из арки, оставив незнакомца за спиной. В небе снова громыхнуло, и в серо-стальной завесе дождя Мартину почудилась не то мелодия, не то шум, не то чей-то едва различимый шёпот:

«Ты наш».

«Наш».

«Наш».

Чужая мощная сила прорастала в нём, окутывала, как дурман. Мир вдруг истончился и очистился, как бывает в моменты абсолютной ясности, и Мартин вдруг чётко осознал: никакого выбора у него никогда не было.

Ибрагим

Разместить у себя ребенка оказалось целой историей. Девочке десяти лет нужно было всё: от кровати до собственной чашки на кухне, от штанов, футболок и платьев до трусов и пары тонких лифчиков, больше похожих на топики. Вичка отказалась ходить по магазинам, так что заказывать пришлось онлайн. Ибрагим сидел за кухонным столом и кликал на всё, что, по его мнению, могло пригодиться девочке. Кроме того, он накупил котлет и пельменей — ребенок ведь не будет есть каши, которыми он питается. Впрочем, что она обычно ела у родителей, Вичка не рассказывала. Она соглашалась на любое его предложение, а на вопрос «Что ты любишь?» размыто отвечала «Наверное, всё».

Сейчас, сидя напротив, она с аппетитом поглощала томатный суп и закусывала свежей булкой из соседней пекарни.

— Наелась? — спросил Ибрагим, когда она выскребла ложкой остатки.

Вичка кивнула.

— А у тебя всегда так тихо? — Она отложила ложку и поставила острые локти на стол.

В доме у Ибрагима дети так себя не вели. Но это было давно — наверняка им теперь всё можно.

— Всегда, — просто ответил он.

Вичка уставилась на пичужку, которая чистила пёрышки на ветке напротив окна.

— Дома было громко, — задумчиво проговорила Вичка. Её светлые волосы были убраны в тонкий засаленный хвостик, и Ибрагим подумал: надо бы следить, чтобы она вовремя мылась. — Маленький плакал. Очень громко.

— Ты хотела его?.. Хотела что-то с ним сделать?

— Я хотела, чтобы было тихо.

Ибрагим вспомнил, как плакала на первом году жизни Аминка. То колики, то голодная, то хочет спать, то не хочет… Жена сходила с ума, а он радовался, что может уйти на работу в школу и хоть так спастись от бесконечного плача.

— Дети часто плачут, когда маленькие, — примирительно сказал он. Потом, помолчав, спросил: — Ты не скучаешь по братику? По маме с папой?

Этот вопрос мучил его уже два дня. Ибрагим знал, что господин В. может устроить так, чтобы Вичку не искали. Чтобы на неё сами собой, как из воздуха, появились все необходимые документы. Или чтобы Вичка, если не захочет, не ходила в школу, обойдя немецкий Schulpflicht[5]. Даже мог стереть ей воспоминания.

А вдруг Ибрагим оторвал Вичку от мира, который она любила? И дал ей взамен — что? Работу карателя?

Вичка поморщилась.

— Они не настоящие родители.

— Но они же удочерили тебя.

— Луиза очень хотела кого-то, кто похож на её умершую дочь, — равнодушно сказала Вичка. — А Дэвид хотел, чтобы она больше не плакала. Потом у них родился Майкл, и начал постоянно кричать. Я хотела скинуть его с балкона.

Ибрагим перебрал в голове всё, что можно на это сказать.

«Твои родители на самом деле любят тебя?»

[5] Обязательное посещение школы для детей в Германии, закрепленное на законодательном уровне

«Не стоит выбрасывать детей с балкона?»

Он решил просто сменить тему.

— Тебе положена собака.

Вичка оторвалась от созерцания пичужки.

— Зачем?

— Всем положены собаки, кто выходит на эту работу.

Вичка сложила под подбородком руки.

— А тебе?

Ибрагим сорвал лист с кустика розмарина, росшего в горшке тут же на столе, и закинул в рот.

— А я и так работаю на конюшне. Собака мне не нужна. Но тебе обязательно выберем друга.

Вичка тоже сорвала листик розмарина и положила в рот. Поморщилась, но дожевала. Голубые глаза с любопытством смотрели из-под длинных пушистых ресниц.

— Собаки пахнут.

— Возьмем ту, что не пахнет.

— И не слушаются.

— Мы её научим.

Вичка замолчала, словно искала другие аргументы, чтобы не заводить собаку.

— А потом?

— А потом и мы с тобой начнём учиться.

Вичка перевела на него взгляд.

— Чему?

Ибрагим вспомнил, что где-то у него лежит брошюра, выданная в самом начале службы. Но искать её слишком долго.

— Делать мир лучше. Запомни: всё, что мы делаем, идёт миру на пользу. Хочешь запить?

Вичка кивнула. Пока она пила из высокого стакана, вода полилась ей на платье и привела его в окончательно неприглядный вид. Вичка резко вскочила и судорожно начала тереть мокрое место.

— Вот что, — сказал Ибрагим, поднимаясь. Спину прострелила привычная боль. — Дам тебе пока что-нибудь из своего.

Вичка продолжала тереть.

***

Сказать по правде, Ибрагим недолюбливал собак. Одна укусила его в детстве, когда он на кой-то чёрт протянул руку, пока та ела. Другая загнала на дерево и лаяла так долго и громко, что маленький Ибрагим поверил: это его кара, его и всех его предков до седьмого колена.

Поэтому, когда Ольга предложила ему завести собаку, он отказался. Но всё же осторожно спросил:

— А зачем это?

Ольга объяснила, что собаки положены всем карателям.

— Рано или поздно ты почувствуешь себя очень одиноким, — сказала она. — Со временем понадобится кто-то, кто примет тебя любого. И будет любить просто за то, что ты есть.

Ибрагим возразил — он пережил уже столько всего, что очередная работа, какая бы ни была, его не сломает.

— Это не очередная работа, — сдержанно ответила Ольга.

Он ей не поверил.

Каждый день он шёл на конюшню, устроенную в заброшенном трамвайном депо, приносил яблочко Синдерелле, огурчик Анастасии и дохлую мышь Дризелле. Мышь ловила мест-

ная кошка — оставляла на пороге и уходила по своим кошачьим делам. Ибрагим долго не мог понять, как кошка может прибиться к конюшне с такими лошадьми. Но время шло, кошка с дарами то и дело возвращалась, и он к ней даже привык.

Каждую неделю он вылетал на ликвидации, заглядывал в самые отдаленные уголки Европы, чтобы сделать мир лучше. Возвращался, ставил в стойло Анастасию, снимал с неё седло и подпругу, прощально хлопал по шее и шёл домой. Снимал свой неизменный кожаный плащ, штаны и кофту на флисе, принимал прохладный душ для закаливания, чистил зубы, умывался обычным хозяйственным мылом. Ложился спать. Ему не снились приговорённые, не снилось ночное небо и широкие кожистые крылья Анастасии. Во сне он видел высокий пригорок и реку с прозрачными водами, бегущими к закату. На пригорке стояла черноглазая, чернобровая девочка, навсегда оставшаяся в памяти Ибрагима десятилетней.

Он просыпался с болью в груди. И точно знал, что никакая собака его от этого не избавит.

А потом появилась Вичка. И Ибрагим решил, что ей обязательно нужен друг.

Приют «У Оскара» располагался на юге, за Темпельхофом. Пока шёл от Эс-Бана, Ибрагим чувствовал себя как в ауле — узкая просёлочная дорога петляла, заворачивала вдалеке, пахло землёй и давно не кошенной травой. Вичка шагала рядом, уместив ладошку в крепкой ладони Ибрагима. Сначала он боялся, что она потеряется в переходе Эс-Бана, потом — что зазевается и не выйдет за ним из вагона. Так и осталась её ручка в его руке, и это ощущалось по-забытому правильно.

Приют стоял на окраине промышленной зоны. За высоким забором из сетки тянулись длинные ряды одноэтажных корпусов с плоскими крышами. На воротах висела табличка с надписью *«Новых животных не принимаем»*.

«Так уж и не принимаете», — подумал Ибрагим, вспомнив, что в приют отдавали животных из Ордена. Когда умер Евгений, Петра вроде отвезла его мопса сюда. Или кто у него был, пудель?

Ибрагим нажал на кнопку звонка рядом с табличкой. Вдалеке, словно по команде, послышался визгливый лай.

— Не бойся, — сказал Ибрагим Вичке почти на автомате. — Они не укусят.

Вичка только нетерпеливо вздохнула.

Дверь им открыл приветливый человек в кепке с надписью «Оскар».

— Доставка корма?

— Wilde Jagd, — коротко сказал Ибрагим.

Улыбка на лице Оскара стала шире.

— Добро пожаловать. Вам всегда здесь рады. — Тут он заметил Вичку. — Привет. Хочешь посмотреть на животных?

— Она не говорит по-немецки, — сухо ответил Ибрагим. — Мы приехали подобрать ей нового друга.

Оскар снова с интересом оглядел Вичку.

— Внучка?

— Сотрудница, — невозмутимо сказал Ибрагим и по ошарашенному виду Оскара понял, что идея сделать Вичку частью Ордена безумна именно настолько, как он предполагал.

Он шёл вдоль вольеров с собаками и вспоминал грязных дворняг, которые как-то загнали его в детстве на дерево. Рука Вички по-прежнему была в его ладони, но он чувствовал, что девочка вот-вот вырвется — все её существо стремилось к вольерам.

— Какая тебе нравится? — спросил он, выискивая глазами кого-нибудь поменьше.

— Не знаю… — Вичка засеменила к вольеру.

— Осторожно, руки им не суй! — окликнул Ибрагим и снова почувствовал, как у сердца заскребло.

Рядом вырос Оскар.

— Они мирные, — добродушно сообщил он. — Собаки вообще самые добрые создания на планете. Вы же знаете.

— Да уж, — без энтузиазма отозвался Ибрагим.

Он уже начал представлять, как по утрам кто-то будет тыкаться носом ему в лицо и тащить на улицу.

— Эй, поосторожнее там! — крикнул Оскар через плечо. — Ты лучше к Монстру не лезь!

Реакция у Ибрагима была молниеносная: он развернулся быстро, но всё же недостаточно, чтобы заметить, что произошло. Вот Вичка гуляла вдоль вольеров, а вот — стоит у одного с огромным бультерьером и молча прижимает к себе кисть.

Ибрагим в момент оказался рядом.

— Что ты?.. Зачем ты к нему полезла? — он опустился перед ней на колени, пытаясь понять, больно ли ей.

Рядом суетился Оскар.

— Примите мои извинения! О Господи, кто же знал. Кто бы мог подумать, Монстр обычно тише травы! Монстр, фу! Посмотри на себя! Мне за тебя стыдно!

Ибрагим осмотрел Вичку — на руке не было крови. Да и вся ситуация её, кажется, не волновала. Она смотрела в сторону и ни на что не реагировала.

«С ней что-то не так, — отчётливо подумал Ибрагим. И сам себе ответил: — Но об этом никто не узнает».

Дома он несколько раз пытался выяснить, зачем Вичка сунула руку бультерьеру. Она молчала. Ибрагим списал это на шок и в конце концов оставил её в покое, напоив какао с шоколадкой. Только перед сном, когда он задёргивал шторы, Вичка сонно пробормотала:

— Дедушка Ибрагим...

— Да?

— Расскажи мне про карателей.

— Я же говорил тебе. Они делают так, чтобы злодеев больше не было на свете. Чтобы они никому больше не могли навредить.

— А ты меня научишь тоже делать так, чтобы злодеев не было?

— Конечно.

Дома у Ибрагима не было игрушек с тех пор, как он преподавал математику в аульской школе. Он встал и, сделав круг по комнате, остановился напротив полки с часами в виде головы коровы с какой-то распродажи. Взял и поставил на пол рядом с диваном, на котором теперь спала Вичка.

— Я всему тебя научу, — пообещал он. — Спи.

Глава 4,

в которой Мартин становится помощником главной карательницы, в Ибрагим знакомит его с господином В.

Две недели спустя

— Седло держи.

Ольга протянула Мартину седло, хотя оно не слишком помогало при езде на мёртвых лошадях. Спина у Дризеллы была горячая и костлявая, вся собранная из таких острых звеньев, что те иногда впивались в зад даже сквозь седло.

— Держу.

Мартин закрепил седло на неподвижно стоящей Дризелле. Из ноздрей у неё вылетали снопы искр. Ладоням, если поднести их к чёрной, обтягивающей кости коже, было жарко, как возле кипящего чайника. Мартин быстро уяснил, что Дризеллу без перчаток лучше не трогать — хватило одного ожога. Собственно, потому и приходилось снимать с неё седло даже на время простоя. Материал разогревался так, что потом было невозможно сесть.

Ольга перекинула ногу через костистую спину Дризеллы. Волшебная сила сделала её стремительной и лёгкой: она без труда забралась на лошадь, достающую ей почти до груди. Мартин забрался следом.

В первую ликвидацию он хотел выбрать Анастасию. Но Ольга сказала, что Анастасия любит играть: отклоняться от курса и завозить всадников туда, где не ловит ни один GPS. Пришлось лезть на чёрную, как сама тьма, Дризеллу.

Кобыла взмахнула кожистыми крыльями и плавно взмыла в небо. Мартин крепче обнял Ольгу за талию. Прильнул к ней, вдохнул запах сирени и свежей смерти. Этот запах всегда сопровождал её после ликвидации. Но когда Мартин на следующий день встречал ее в приемной, запаха уже не было — оставалась только сирень и едва уловимый увлажняющий шампунь.

Ночное небо пролетало мимо, осенний воздух щекотал голые лодыжки. Мартин выучился не смотреть вниз — сначала разглядывал проносящиеся мимо облака, потом тонкие волоски на шее Ольги, а потом и вовсе стал зажмуриваться во время полётов. И даже прекратил фантазировать о том, что будет, если он сорвётся.

После сверкающего огнями Парижа они направлялись в деревушку с парой десятков домиков. Тут жила когда-то утопившая двоих детей старушка. Мартин собственноручно составлял её биографию — первого ребенка мадам Натан родила вне брака, второго следом, уже в браке. И в один прекрасный день, оставшись с детьми одна, утопила обоих в реке, дав снотворное и столкнув в воду. Их тел так и не нашли. Обвинение повесили на первого встречного — бродягу, который ночевал у реки.

Дризелла начала плавно снижаться, и Мартин вздрогнул от смены температур. Благодаря волшебной силе, отголоски которой охватывали его во время ликвидаций, ему редко становилось по-настоящему холодно или жарко. У него не коченели пальцы, не кружилась голова от перепада давления, не сводило челюсть от напряжения. И всё равно страх всего лишь притуплялся. Ольга этого не говорила, а Мартин не спрашивал, но внутри себя знал — когда придёт время стать карателем, страх исчезнет совсем.

Перед тем, как спрыгнуть с Дризеллы, Ольга тихонько вздохнула. Мартин услышал, но сделал вид, что занят седлом, которое нужно было осторожно снять с исходящей жаром кобылы.

— Хочешь остаться здесь? — спросила Ольга.

— Нет. — Для пущей убедительности Мартин замотал головой.

— Хорошо.

Она начертила в воздухе несколько знаков. Темнота вокруг расступилась, и Мартин разглядел загородный домик, стоящий в тени раскидистых деревьев. При свете дня здесь наверняка возникало ощущение, что домик утопает в зелени — сентябрь в этом году выдался особенно тёплым, и листья даже не думали желтеть.

Вдалеке нежными переливами журчала река.

Ольга неслышно направилась к крыльцу, оставив Мартина возиться с Дризеллой. Та насмешливо фыркнула, когда он шёпотом попросил её вести себя прилично. Воздух вокруг был чистый и свежий. Мартин невольно вспомнил дачу в Костанае.

К Ольге он присоединился уже к зачитыванию приговора. Она стояла над съёжившейся под одеялом хрупкой фигуркой. По комнате плыл густой аромат роз от букета на прикроватной тумбочке.

— …Именем Великой Справедливости вы приговариваетесь к ликвидации второй степени, — тихо закончила Ольга и вытащила из сумки на плече кусок плотной ткани.

Мартин вспомнил, как она учила его прикладывать такую ткань к лицу приговорённого, закрывая сразу нос и рот, чтобы тот быстро перестал дышать.

К запаху роз примешивался другой — что-то вроде ацетона, но не такой резкий, даже приятный. Мартин хотел спросить, что это, но не стал мешать. Вместо этого сделал круг по спальне: старомодный шкаф, несколько этажерок, зажжённый ночник, картина и зеркало — в нём отражалась склонённая голова Ольги. Удивительно, что, сколько бы они ни прилетали на ликвидации, все приговорённые оказывались в одиночестве. И всегда крепко, мирно спали.

За спиной у Мартина послышался не то вдох, не то протяжный хрип. В комнату мягкой походкой ступила смерть — за последний месяц он научился различать её присутствие. Воздух под потолком похолодел и медленно стёк ему на плечи. Сердце на секунду сжалось в костлявой руке, будто та проверяла, за тем ли пришла — а убедившись, что обозналась, отступила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.